седателю Крымского совнаркома с просьбой предоставить показательные материалы по канализационным и водопроводным сооружениям в Керчи и других городах Крыма (Симферополе, Ялте, Феодосии и др.). Полученные материалы вошли в подготовленную Отделом карту, которая экспонировалась в Дрездене.

1930–1938

В 1930 г. исполнилось 13 лет непрерывной моей работы в Отделе коммунальной и социальной гигиены. Все эти годы деятельность отдела непрерывно расширялась, охватывая всё более широкий круг проблем. Наряду с вопросами оздоровления территории Ленинграда систематическое освещение постепенно находили в отделе и вопросы снабжения города продуктами питания. Ограждение населения от болезней, алкоголизма, туберкулёза, эпидемических заболеваний, развитие сети общедоступной поликлинической и больничной помощи и т. д. — всё это выливалось в единую систему построения благоустроенного здорового города.

На материалах отдела коммунальные работники, техники и инженеры учились видеть значение всех сооружений и устройств коммунального хозяйства для жизни и здоровья населения, научились понимать жизненную важность соблюдения санитарных требований к коммунальному и жилищному строительству, а врачи и санитарные деятели учились понимать важность научного подхода к делу. Благодаря кропотливому труду и постоянному поиску новых форм работы отдел понемногу, шаг за шагом, приобретал известность и начал пользоваться любовью учившихся в нём молодых специалистов коммунального хозяйства и санитарного дела. Об этом говорили многочисленные письма, получаемые от участников экскурсий.

Из памяти моей не изглаживается до сих пор чувство горечи, охватившее меня, когда в 1929 г. новый заведующий Леноткомхозом И. Г. Рудаков, человек, совершенно далёкий от понимания существа и задач благоустройства и коммунального хозяйства, прислал распоряжение сократить наш отдел и превратить его во вспомогательное подразделение Леноткомхоза. Я отстаивал в Смольном существование отдела, лично сам выступал в Ленсовете, добился приёма у державшего себя сатрапом Рудакова, пытался разъяснить ему дело, но успеха не добился. Свои распоряжения он оставил в силе, невзирая на многочисленные ходатайства и письма в Ленгорисполком от тех, кто знал и ценил наш отдел.

Для меня прекращение дальнейшего развития Отдела было крушением дела, в которое я вкладывал все свои силы. Большую поддержку доставили мне письма, полученные в это тяжёлое для меня время от товарища по работе в земстве Петра Ивановича Куркина. Вот одно из них от 2 сентября 1930 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Захар Григорьевич, Вы поверите, без долгих объяснений, той тяжёлой печали, которая охватила здесь всех нас,

Ваших старых и молодых друзей и почитателей, при известии о разгроме Вашего Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города. Первые известия в этом направлении нам привёз сюда тов. Бен. Но как-то не верилось его сообщению, не хотелось верить. Теперь — это совершившийся факт, и Вы не можете сомневаться в том, что все мы испытываем по этому поводу поистине боль и горе, как при потере чего-то близкого, ценного и дорогого...

Я должен сказать Вам, глубокоуважаемый и дорогой учитель советской санитарной молодёжи, что, конечно, и эта молодежь разделит с нами, стариками, скорбь и печаль при виде разрушенного невеждами полезного дела, созданного Вашим трудом и Вашими руками. Однако смирится ли она, эта молодёжь, с Вашим решением о том, что "теперь для Вас и многих других работников коммунальной и социальной гигиены закрыт путь к дальнейшей работе наглядного закрепления достижений в области познавания социального здоровья...". Испытываю большое сомнение по этому пункту... Он нуждается — в интересах того дела санитарного просвещения... в большом смягчении. Положение, скорее всего, требует, чтобы Вы всё же оставались на созданном Вами «славном посту». К этому, я думаю, присоединятся все Ваши друзья и почитатели — и старые, и молодые... Весь Ваш П. Куркин».

По настоянию моих сотрудников и товарищей по работе в отделе, в числе которых, помню, был Андрей Григорьевич Подвысоцкий, я вновь обращался к влиятельным членам Лениисполкома с просьбой об отмене решения Рудакова. Но даже благожелательный отклик на моё сообщение одного из членов ЦК, не помог делу. Когда пришли выполнять приказ об освобождении помещения отдела, я ушёл из Музея и не был там всю зиму. Читал лекции по коммунальной гигиене в Институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ), а по социальной гигиене — и в этом Институте, и во 2-м Ленинградском медицинском институте, не пользуясь для иллюстраций богатейшими коллекциями составленных мною санитарно-демографических таблиц и других показательных материалов, которые, как ненужный балласт, были сданы в кладовую Музея города и числились там «инвентарём».

Под влиянием многочисленных заявлений в Лениисполком о недопустимости разрушения работы отдела коммунальной и социальной гигиены, тогдашний директор Музея Ятманов, по указанию Исполкома, обратился ко мне с письмом, в котором просил меня вернуться работать в отдел. В результате последовавшей переписки, в которой мне обещана была возможность развернуть в новом помещении основную часть материалов бывшего отдела, я с марта 1931 г. приступил к его восстановлению, правда, в очень урезанном и ограниченном виде. Пришлось вновь тратить неимоверно много труда и времени, чтобы разобрать книги, справочные, исторические и наглядные материалы, наладить библиотеку. Вокруг отдела вновь стала возрождаться жизнь Я вновь начал читать в нём лекции врачам и студентам. В помещении отдела проходили заседания Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОГО) и кружка благоустройства, развивалась работа по демонстрации музейных материалов, проводились экскурсии.

Однако уже с лета 1931 г. значительную часть своих планов по созданию единого деятельного центра, объединяющего все разделы гигиены — общей, социальной, коммунальной — я стал связывать не с развитием отдела в Музее города, а с начавшимся строительством Сектора гигиены в Институте экспериментальной медицины (ИЭМ). К созданию этого Сектора я и был приглашён. Одновременно в начале 30-х годов я совершил много интересных научно-познавательных поездок по стране.

Весной 1930 г. я получил приглашение от Архангельского городского и областного исполкомов приехать для участия в разработке плана благоустройства и оздоровления города, а главный санитарный врач Мурманской железной дороги К. О. Поляков пригласил меня в качестве гигиениста-консультанта этой дороги осмотреть существующие и строившиеся посёлки на всех станциях, в особенности на станции Медведь и в самом Мурманске. У меня явилась мысль объединить эту поездку с поездкой в Архангельск по Белому морю из Кеми.

В то время в Архангельск в качестве коммунального инженера был назначен Андрей Григорьевич Подвысоцкий, у которого возник целый ряд предложений о проведении там крупных санитарно-мелиоративных работ и о пересмотре плана всего благоустройства города.

Эта летняя моя поездка состоялась сразу, как только наступил летний перерыв лекций в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗ) и в ГИДУВе. К. О. Поляков имел в своём распоряжении вагон-лабораторию. В этом вагоне нашлось место и для меня, и для Н. П. Сангина, который в то время работал при мне на положении аспиранта.

По пути мы довольно подробно ознакомились с масштабным строительством железнодорожного посёлка у станции Петрозаводск. Там уже заселялись четырёхэтажные дома капитальной постройки, а никакой канализации сооружено не было из-за нерешённого вопроса — куда выпускать сточные воды, хотя можно было без труда, имея проведённую воду, строить канализацию и временные поля фильтрации или орошения.

Очень сложные проблемы оказалась в Мурманске. Значительная часть нового жилого фонда для рабочих рыбного треста построена была на глубоком торфянике. Здесь очень трудно было рассчитывать на осушение дворов и всей территории лишь с помощью уличных боковых канав. Строительство на вышележащих террасах связано в Мурманске с необходимостью проламывать улицы через лежащие поперёк гранитные гряды. Озеленение города, его улиц и кварталов, наталкивалось на предвзятое убеждение, будто в высоких северных широтах ни плодовые деревья, ни липа, тополь или дуб не растут. Однако во время своих многочасовых прогулок я убедился, что при рациональном использовании местных условий можно было бы многого достичь в благоустройстве города. Огромные песчаные холмы при подходе железной дороги к Мурманску срывались экскаваторами для прокладки рельсовых путей. Естественно было наладить вывоз этих отвалов песка по временно проложенным рельсам на торфяники рыбного города. Мурманск находится под действием мощных океанских приливов и отливов. При отливе на сотни метров обнажается дно морских прибрежных отмелей, примыкающих к припортовой и привокзальной части. Накопив-

шийся и постоянно наносимый на эти береговые отмели песок с илом и водорослями мог бы служить великолепной добавкой к торфяникам, чтобы превратить их в цветущие сады.

На одной из окраин Мурманска, совершенно случайно, я увидел двор, густо обсаженный здоровыми рябиновыми деревьями. Оказалось, это акклиматизационная станция. Но ни санитарный врач, ни инженеры и архитекторы-проектировщики с ней не были знакомы. А нужно ли было искать лучшие посадочные породы для улиц, чем рябина? Внимание руководящих сил Мурманского исполкома было поглощено в то время строительством нескольких зданий (гостиницы, порта), а мы больше задавались вопросами внутриквартального жилищного благоустройства, вопросами коренного разрешения водоснабжения из больших горных озёр, вопросами канализации. По этим вопросам удалось провести с местными технико-санитарными работниками интересные совещания.

При отъезде из Мурманска у нас возник вопрос о пополнении запаса путевого продовольствия, которое у нас истощилось, а надежда купить свежую рыбу оказалась несбыточной. Розничной или рыночной продажи не было. Мы уже собрались в наш санитарный вагон и ожидали первого отходящего поезда, который мог бы взять наш вагон. Было время отлива. Море ушло далеко от железнодорожных путей. В бинокль я заметил далеко в море появившуюся рыбацкую лодку под большим парусом. По-видимому, неслась она к берегу. С разных сторон спешили люди к тому месту, куда направлялась лодка. Она подошла к берегу, и в бинокль было видно, как собравшиеся начинают один за другим расходиться, унося с собой рыбу. Рыбакам не позволено было продавать рыбу в частные руки, они должны были сдавать весь улов на государственный приёмный пункт. Очевидно, пользуясь поздним ночным часом и отливом (хотя было уже за полночь, но солнце стояло над горизонтом) один из рыбаков продавал только что пойманную рыбу. Наиболее молодой из нас — Н. П. Сангин, пренебрегая риском, что в любой момент может подойти поезд и наш вагон прицепят к составу, отправился к лодке. Расстояние оказалось гораздо больше, чем казалось в бинокль. Приходилось обходить лагуны. Но вот я вижу в бинокль — из лодки летит к Сангину рыба. Проходит несколько времени. Мы видим, как, нагнувшись вперёд, молодой инженер волочит сзади какую-то добычу. Наступает острый драматический момент. Подходит долгожданный поезд. Все засуетились, чтобы изготовиться к прицепу. А ещё довольно далеко подаёт всякие знаки, машет руками, очевидно, надсаживаясь, взывает о подмоге, Сангин. Но зова и криков его не слышно, лишь видно, как, выбиваясь из сил, он пытается ускорить своё движение... А тут говорят, что наступает конец отлива, что вся эта равнина сейчас на наших глазах превратится в море. Кто-то бежит на помощь к Сангину, и когда вагон наш уже на прицепе, к общей зависти и немалому нашему изумлению наш аспирант втаскивает в вагон «пикшу». Рыбак продавал рыбы только целиком, не рубил на части. Самая малая, какая у него оказалась, была длиною в целый метр. И эту почти пудовую тяжесть Сангин волочил целый километр по песчаному берегу! Нам срочно понадобились хотя бы элементарные знания по сравнительной анатомии, чтобы выпотрошить рыбину. Общее изумление

вызвала своими размерами печень, которая не вместилась даже в самую большую кастрюлю, которая была в небольшой кухне нашего санитарного вагона. Понадобился ещё противень. При поджаривании печени получилась целая кастрюля трескового жира и очень вкусные котлеты. Вообще продовольственный вопрос был одною рыбиной блестяще разрешён.

По пути из Мурманска мы остановились у станции Апатиты, где велись обширные работы по строительству новой железнодорожной ветки и расширению станции. Время было трудное. И всё же, во что бы то ни стало, нужно было осуществлять противоэпидемические меры. После целого дня осмотров мы зашли пообедать в столовую для землекопов и строительных рабочих. Мы уже осмотрели несколько подобных столовых, знакомясь с условиями пищевого снабжения рабочих. Эта столовая, как и другие, помещалась во временной лёгкой постройке, в длинном сарае из неотёсанных досок. Но в отличие от других столовых, в этой столы были покрыты светло-голубой клеёнкой, стены убраны ветками хвои, на каждом столе стоял букетик цветов. Это были ветки каперского чая со спиреей и можжевельником. Обед подавала прислуга в чистых белых передниках. Порядок, чистота и забота об уюте и красоте стояли в таком контрасте с условиями и возможностями того времени, что мне захотелось отметить это. После обеда я попросил дать книгу для записи посетителей. Таковой не оказалось, и тогда я попросил книгу для жалоб. Это вызвало у обслуживающей наш стол девушки сильнейшее беспокойство. Книга для жалоб была ею принесена, но вместе с книгой пришёл и сам заведующий (он же и шеф-повар). Мы дали ему прочитать в жалобной книге похвалу, подписанную двумя врачами и инженером, за чистое содержание полов и столов, за убранство можжевельником и хвоёй стен, за заботу о некоторой красоте и пожелание, чтобы примеру этой столовой последовали и все другие столовые для рабочих. Оказалось, что этот устроитель столовой только недавно стал выселенцем в Заполярье, а до этого он работал в прежнем Петербурге в ресторане Палкина, и, как профессиональный пищевик, проявлял свои привычные навыки ресторанного работника.

В Кеми мы с Сангиным простились с К. О. Поляковым, оставили гостеприимный санитарный вагон и прошли на пристань, чтобы пароходом плыть в Архангельск. Пароход опаздывал, его не было видно в море, но его ждали с часу на час. Мы расположились на берегу «студёного моря». Время тянулось. Н. П. Сангин уже достал где-то удочку, приманку и предался рыболовной страсти. Когда, наконец, пришёл пароход, нам, не без преодоления самых неожиданных препон удалось познакомиться с капитаном и при его благожелательном заступничестве приобрести билеты для проезда в Архангельск с питанием наравне с судовой командой. Забрались мы в каюту на подвесные койки и предались отдыху.

Поздним вечером пароход отвалил от причала. Ветер был свежий, всё более усиливающийся. Мой спутник оказался достаточно чувствительным к качке и через несколько часов приятного морского покачивания вынужден был искать помощи и убежища на палубе. На следующий день мы несколько раз приближались к изумрудно зелёным берегам и заходили в длинные узкие горловины, чтобы принять десяток-другой широких бочек с сёмгой,

которую подвозили на лодках поморы, вернее — поморки. Так как мужчин вообще на лодках не было, то и гребли, и управляли, и ловко подавали бочки из прыгавших по волнам лодок крепкие поморки, очень часто с одним, а то и с двумя детьми.

Пожалуй, ни в Крыму, ни на Черноморском побережье Кавказа не найдётся видов, более захватывающих своею причудливою красотою, чем Кандалакшская Губа. Пароход держит курс прямо к высоким берегам, покрытым лесом. Лес покрывает и гору, высящуюся за обрывами береговой линии. Неожиданно открывается узкая полоса моря, рассекающая берег, и по этой полосе между зелёных гористых берегов всё дальше пробирается пароход. Своеобразный вид имеет впадающая в Губу река Нива. Широкий и мощный поток её падает по каменному руслу с явно выраженным наклоном к морю. Ударяясь о береговые камни и утёсы, река рокочет среди своих лесистых берегов. Тогда (в 1930 г.) ещё не были построены и не строились на этой причудливой заполярной реке Ниве перегораживающие и сковывающие её русло плотины, и мощь энергии стремительно падающих её вод ещё не была поставлена на службу народного хозяйства. Полные воды реки неслись с какой-то спокойной неимоверной быстротой по наклонному ложу под рокот и говор воды. Именно рокот, а не рёв и не шум, как рёв водопадов или шум морского прибоя.

В Кандалакше пароход имел длительную стоянку. Я и мой спутник Сангин решили пройти от пароходной пристани по берегу реки километра два вверх, чтобы посмотреть места, предназначенные для развёртывания уже запланированного тогда будущего обширного промышленного и железнодорожного строительства.

Наше путешествие затянулось, и нужно было торопиться обратно к пароходу. Уже слышен был его первый гудок. Я предложил сократить путь, спрямив его: идти, не держась берега реки. Но моему спутнику казалось, что это уведёт нас в сторону, и он настаивал на возвращении по береговой тропинке. Времени на споры не было, и я быстро пошёл по сокращённому пути, а он по старому. Когда я пришёл к пароходу, уже готовились снимать мостки. Я сильно тревожился, просил помедлить, не сниматься с причалов, и был обрадован, когда, наконец, после тревожных пароходных гудков увидел бегущего Сангина.

Весь следующий день при безоблачном небе, но свежем беломорском ветре пароход наш шёл вдоль южного берега Кольского полуострова. Временами он настолько приближался к берегу, что всё на нём было видно без бинокля. После протяжного, но мощного гудка у берега можно было заметить какое-то движение. Казалось, что стая уток плывёт наперерез курса парохода. Они обрисовывались всё яснее. Вскоре стало видно, что это не утки, а лодки, быстро резавшие волны под сильными ударами вёсел в руках крепких проворных поморских женщин, не чувствительных к пронизывающему холодному беломорскому ветру. Они быстро сдавали свои бочки с сёмгой и подхватывали спускаемые им тюки для их рыболовецких колхозов, успевая в то же время держать вёслами прыгающую лодку, ткнуть детям гостинцы, и метким, крепким словцом вызвать общий смех над каким-нибудь зазнавшимся грубияном из судовой команды. Всякий раз поведение

детей, иногда совсем малых, в этих треплющихся на волнах лодках вызывало моё изумление их закалкой.

В Архангельск мы прибыли ранним утром. Нас там ждал А. Г. Подвысоцкий. В гостинице была подготовлена комната. Оставалось ещё часов 7–8 до начала рабочего дня, и нам было предоставлено это время для «отдыха после утомительного пути». Но путь-то был освежающий, укрепляющий, а не утомительный. И лишь только мой спутник уснул, я ушёл, чтобы путём личных впечатлений оживить все мои сведения и представления об Архангельске, о торфяниках, на которых проложены без необходимых мелиоративных мер его улицы, о его «безнадежно заболоченных» ближайших окрестностях. Все имеющиеся в печати старые и новые материалы о санитарных условиях Архангельска и лесопильных заводов его района, а также отчётно-статистические материалы, какие только можно было получить по Архангельску, я проштудировал дома, перед поездкой. Впечатления мои при первой многочасовой прогулке по Архангельску в одиночку, когда внимание не отвлекается разговорами со спутниками, были очень ярки и поучительны. Я вышел из гостиницы на улицу, мостовая которой состояла из отборных тёсаных сосновых брёвен. Это было явное безумие и очевидное финансовое вредительство. Ведь в Архангельск из далёких краёв пришли брёвна, как предмет нашего обеспеченного экспорта, это была наша валюта, а её употребляли здесь на мостовую, которая быстро растрясалась в силу неравномерной осадки мощных слоёв торфа, подстилающего улицу. На улицах не было глубокого дренажа, прорезывающего весь слой торфа до дна, и отводящего грунтовые и верховые воды. Я вышел до конца улицы за город. На торфяниках кое-где были кустарники ползучей берёзы, и тут же были обширные свалки вывезенного, очевидно, из каких-то складов, мороженого и отчасти подгнившего картофеля. Были свалены целые десятки тонн. Но ведь мороженый картофель можно было перемыть, размолоть и сделать из него весьма ценный картофельный крахмал, а вместо зловонных свалок фекальных нечистот на торфяниках можно было устроить торфо-фекальные компосты и употреблять компосты затем для удобрения капустных грядок. Такие бесхозяйственные «мелочи» бросались в глаза повсюду.

В 12 часов в Облисполкоме началось довольно многолюдное заседание с участием технического и санитарного персонала, на котором обсуждался план благоустройства и оздоровления Архангельска. Участвуя в нём, я имел возможность не раз ссылаться на мои личные наблюдения в городе, на виденные мною на глубоких окрестных торфяниках остатки прежних рациональных мелиоративно-осушительных сооружений, на совершенно нерациональное расположение и содержание ассенизационного обоза, который я успел осмотреть при моей утренней прогулке.

Несколько последующих дней было у меня занято участием в поездке на катере вверх по Северной Двине для выбора места забора воды новым архангельским водопроводом. Как и Мурманск, Архангельск подвергается действию морских приливов и отливов, и нужно было установить место, не только ограждённое от береговых, промышленных и других загрязнений, но и лежащее по течению выше возможного влияния морских приливов.

Два или три дня заняли поездки в Соломбалу и Матоксу, чтобы на месте вновь и вновь продумать рациональные меры жилищного благоустройства для посёлков, построенных на низких, трудно ограждаемых от заболачивания островах, с огромными накоплениями древесных обрезков и опилок. В Архангельске и в районе его лесопильных заводов шло большое строительство. На нём работали недавние мои слушатели с инженерно-строительной квалификацией. Они объединялись вокруг А. Г. Подвысоцкого, были полны желания содействовать развитию рационального благоустройства, вносили в это дело много энтузиазма. Но сами условия строительства были очень трудны. Дело упиралось в необходимость предварительного осуществления нескольких основных мелиоративных сооружений крупного масштаба. Таких, как прорытие поперечного канала через всю толщу торфяника, с выпуском дренажных вод ниже Архангельска; значительной подсыпки галечника и песка со дна Северной Двины и др. Но даже маленькие достижения в благоустройстве свидетельствовали о внимании молодых работников к этому делу. Так, на площади вокруг Облисполкома были посажены ряды местного шиповника, обильно усеянные цветами. Получилось впечатление хорошо приспособленного к северным условиям городского розария.

Не могу не упомянуть об архангельском доме Петра I. Это большая изба, в которой сохранилась вся обстановка быта и труда «мастерового» царя.

По вечерам мы собирались вместе: санитарные врачи и инженеры санитарного благоустройства и до позднего часа сообща обдумывали и обсуждали все подробности и возможности достижений в решении вопросов местного благоустройства.

Путь из Архангельска в Ленинград мы проделали по железной дороге. Остановка в Няндоме была использована мною, по просьбе местного врача, для осмотра целого посёлка длинных бараков Няндомского лагеря для раскулаченных выселенцев. Бесполезно раздирать и бередить сознание оставшимися от этого лагеря впечатлениями. Такие же впечатления были получены на следующий день в Вологде, когда я захотел посмотреть старую церковь за мостом через реку Вологду. Но церковь была превращена во временный лагерь. В несколько ярусов громоздились в ней нары выселенцев, направляющихся в Архангельск. Там мы уже видели их земляков, медленно копавших и переносивших землю...

В Вологде я ознакомился с детищем доктора Лебедева — его полями ассенизации. Здесь воочию можно было убедиться, каких больших результатов добиваются люди при настойчивости и интересе к делу.

Из предыдущего моего повествования можно видеть, насколько привлекали моё внимание организация и руководство учебно-научными экскурсиями для непосредственного ознакомления с благоустройством населённых мест, для изучения санитарно-технических сооружений, устройства и деятельности учреждений здравоохранения. Особенно много крупных экскурсий для показа и освоения опыта начавшегося широкого развёртывания строительства и благоустройства городов было проведено мною в 1931 г. Обычно в выездные экскурсии со студентами или санитарными врачами я отправлялся, как уже упоминал, во время летних перерывов в лек-

ционной работе. Но в 1931 г. оказалось возможным уже с ранней весны осуществить очень крупную экскурсию с прослушавшими весь курс моих лекций руководящими работниками коммунального хозяйства из разных городов СССР.

Ввиду раннего весеннего времени начала экскурсии, из Москвы маршрут направлялся прямо на юг — через Брянск в Киев, за которым следовала Одесса с осмотром полей орошения и портовых сооружений. Из Одессы намечалась поездка морем с относительно короткими остановками в Севастополе и Ялте, затем — Новороссийск, Ростов-на-Дону и Харьков. Круговая поездка заканчивалась возвращением из Харькова в Москву, с тем, чтобы дополнительно осмотреть в столице те виды коммунального строительства и благоустройства, которые были недостаточно представлены в предыдущих городах.

Экскурсия была рассчитана на 23 дня. Мы выехали из Ленинграда 5 апреля, а закончилась наша поездка в Москве 28 апреля.

В Москве в самом начале экскурсии целый рабочий день был затрачен на тщательное ознакомление (с записями и конспектами) с материалами Коммунального музея, помещавшегося в то время в Сухаревой башне. В 1931 г. в Москве числилось 2 млн 700 тыс. жителей. Такси в городе было 251, грузовой транспорт состоял из 338 машин, а в гужевом транспорте насчитывалось 778 лошадей. Как трудно сейчас поверить этим, кажущимся мизерными, цифрам! Но передо мною путевая тетрадь экскурсии со строго проверенными извлечениями из отчётных данных за 1930–1931 гг., наглядно представленных в Московском музее коммунального хозяйства. Стоит привести ещё ряд цифр, которыми характеризовалось развитие Москвы и её хозяйства в 1931 г., и сравнить эти цифры с современным состоянием Москвы.

Итак, в Москве тогда насчитывалось 1 525 трамвайных вагонов; 176 автобусов; длина уличной водопроводной сети составляла всего 783 км, а канализации — 621 км[1].

Целый день занял у нас осмотр Кожуховской станции очистки сточных вод — первой крупной очистной станции у нас, работающей на полную мощность с применением продувания и активированного ила в аэрокоагуляторах, с выделением ила во вторичных отстойниках и с последующей конечной очисткой сточной воды после вторичных отстойников в аэрофильтрах. Осмотрена была нами по пути к Кожуховской станции и главная насосная станция Московской канализации у Спасской заставы с обратным выпуском в канализацию выделенного ила после его прохождения через дробилки. Осмотрена была также новая районная баня с большим плавательным бассейном и душевыми установками.

В Киеве мы пробыли всего четыре дня. Осмотрели планировку города с резко выраженным рельефом и водоснабжение — не только речное, но и артезианское. Снег с улиц был убран, сколки льда с тротуаров и с ездовой части уличного замощения сложены аккуратно штабелями на газонной полосе. Сделано было это вследствие недостатка городского транспорта для

[1] Москва. Развитие хозяйства и культуры города. Статист. сборник. Изд-во «Московский рабочий», 1958.

вывоза сколков и снега. Под лучами апрельского солнца снег и лёд быстро таяли, вода сбегала по лоткам и уличным водостокам. Очевидна была полная целесообразность такого использования весенней лучистой солнечной теплоты для таяния грязного снега и льда, не прибегая к бессмысленной нерациональной ленинградской затее снеготаялок, задымляющих и затуманивающих воздух городских улиц и дворов и без нужды увеличивающих расход топлива. Приятно было видеть на многих киевских улицах палисадники, прилегающие к стенам жилых домов, киевские брусчатые мостовые и сооружения по отводу ливневых (дождевых) вод с улиц, а также работы по глубокому дренажу и укреплению от оползней крупных склонов Владимирской горы.

Несколько дольше мы пробыли в Одессе. Выезжали на поля орошения, на лиманы. Осмотрели водоочистную станцию Чумки с её медленной фильтрацией воды через песчаные английские фильтры. Вода проводилась по трубопроводу из Днестра (за 45 км). В Одессе уже не было и последних остатков зимы, которые мы оставили, уезжая из Ленинграда.

Путь на пароходе из Одессы до Новороссийска, с остановками в Севастополе и Ялте, продолжался несколько более двух суток. В Севастополе мы успели побывать в знаменитой панораме, получить общее впечатление от благоустройства улиц, познакомились с жилыми улицами, с лестницами на более крутых уклонах. Были в полном цвету сады с миндалями и черешнями. В Ялте успели прогуляться по приморским улицам, по городскому саду и обрывистым склонам. Мы отдыхали от экскурсионного внимания к коммунальному строительству и благоустройству и полной грудью вкушали очарования весны южного берега Крыма. Поездка по морю дополнила этот кратковременный, но такой восстанавливающий силы и бодрость, отдых.

В Новороссийске никогда раньше я не бывал, и поэтому всё в нём вызывало у меня большой интерес. К сожалению, новороссийские цементные заводы, вызывавшие огромное запыление воздуха, в то время не были снабжены надлежащими пылеуловителями. Производил огромное впечатление своей необъятностью Новороссийский порт. В одной прибрежной части шли дноуглубительные работы с отвалом (рефулированием) песка для подсыпки предназначенных к застройке участков. Намытый песок ложился таким плотным слоем, что отпадала надобность выжидать целый год, пока уплотнится, сядет подсыпка. Очень интересно было в натуре посмотреть, где будут осуществляться намеченные крупные мероприятия по «инженерной подготовке территории» путём дренажа и подсыпки заболоченных мест, образования соединения разделённых между собою низиной двух частей города.

Из Новороссийска поездом мы проехали в Ростов, где за пять дней выполнили всю предусмотренную мною программу. Осмотрели новый водопровод и обширные работы по благоустройству города, созданию центрального городского парка, а также новое жилищное строительство для рабочих Ростсельмаша.

После Ростова наша круговая экскурсия повернула прямо на север. Мы провели пять дней напряженных учебно-экскурсионных работ в Харькове, бывшем в то время столицей УССР. Являясь центром развития промышлен-

ности, связанной с восстановлением и всё ускоряющимся ростом тогдашней главной всесоюзной кочегарки — Донбасса, Харьков был средоточием огромного жилищного строительства. Украинский Гипроград в Харькове творил широкие проекты реконструкции и расширения города. Разрабатывались планы коренной санитарной мелиорации для оздоровления его территории. По моему плану в Харькове мы должны были ознакомиться с проектно-планировочными работами и осмотреть реально осуществляемое оздоровление территории, регулирование рек и водоёмов, жилищное строительство для рабочих в самом городе и в посёлке при Тракторстрое; осмотреть новое оборудование, замощение и благоустройство улиц; сооружения по зональному водоснабжению, ключевому и из артскважин; осмотреть образцово построенную главную канализационную станцию и всю систему биологической очистки сточных вод, а также сеть новых народных бань с плавательными бассейнами. Программа эта была полностью выполнена.

Работая над «архитектурно-художественным оформлением» проектов, наши планировочные руководящие работники слишком увлекаются созданием архитектурных ансамблей и пр. Всем этим мало-помалу заслоняется и отодвигается на второй план аксиома, элементарная и самоочевидная мысль, что город и все его части строятся не для того, чтобы любоваться их планами или архитектурными красотами, а для возможно более полного удовлетворения жилищной нужды, для обеспечения удобствами жизни, для создания надёжных санитарных условий, ограждающих здоровье всего населения.

Когда мы осматривали вновь построенные кварталы домов для рабочих, мы совершенно не интересовались — красив ли был план, а смотрели, прежде всего, устранены ли условия заболачивания и сырости территории, обеспечено ли пользование дневным светом, достаточно ли удобны входы в жилища, доступна ли для детей зелень, хорошо ли размещены детские учреждения и, разумеется, прежде всего, были ли удобны квартиры, хорошо ли они были оборудованы водопроводом, канализацией, газом. Одним словом, решающее значение имело не архитектурно-художественное оформление плана, а основные жизненные, хозяйственные и санитарные запросы и потребности и их удовлетворение, т. е. соображения технико-экономические и хозяйственно-санитарные. При трезвом отношении к жизненным потребностям людей, при действительном, а не словесном внимании к человеку, не было бы места гипертрофированному развитию архитектурно-планировочных учреждений с их проектами планировки, которые часто не оказывали никакого влияния на реальное строительство. Оно в них и не нуждалось. Так было с планировочными работами по Архангельску и Петрозаводску, по Харькову, и на глазах у всех — по Ленинграду, где памятником такого художественно-планировочного расточения огромных средств остается незаконченное грандиозное здание Дворца Советов невдалеке от незадолго перед тем, по другой, общепланировочной концепции, перенесённой сюда колоссальной скотобойни — мясокомбината.

Огромное впечатление оставил осмотр строительства Харьковского тракторного завода и рабочего посёлка при нём. Уже достраивались двух-

этажные здания для детских садов с пандусами вместо лестниц на второй этаж. По не проложенным ещё и не замощённым дорогам подвозились и сваливались стройматериалы для будущих зданий. В отдельных законченных производственных помещениях станки и машины стояли по местам, а часть залов была превращена во временные аудитории со скамьями, расположенными амфитеатром: там шла подготовка рабочих. Они готовились к работе на этом новом гиганте социалистической промышленности. Всё было охвачено энтузиазмом созидания. Нельзя было не ощущать этого подъёма, этого пафоса строительства нового общества.

И всё же вполне законны были сомнения — нужно ли было относить это строительство на 15, а не на 5 км от города, что потребовало дополнительных затрат на сооружение подъездных путей, почему не были сначала построены и оборудованы главные улицы, по которым можно было бы развозить стройматериалы без риска вывалить их по пути, почему не проложены были сначала уличные коллекторы и другие трубопроводы, а их укладывали после постройки корпусов зданий и домов, загромождая землёй из отрытых траншей всю ширину улиц и создавая на строительной площадке первобытный хаос, и т. д.

Для осмотра станции биологической очистки сточных вод харьковской канализации нам пришлось от конечной остановки трамвая идти пешком километра два-три. По сторонам дороги, сколько видно было глазу, простирались глубокие пески, невозделываемые пустыри. Как-то не вязалось и не мирилось со здравым смыслом, почему, зачем в этих условиях понадобилось сооружать искусственные фильтрующие пласты биофильтров, затрачивая огромные средства на подвоз и сортировку шлаков и кокса, когда все песчаные пустыри могли бы быть обращены в поля орошения, а при последующем осмотре нами иловых площадок и огромных накоплений ила в виде целых свалок, сам собою напрашивался вопрос — почему этот ил не используется в качестве удобрений для обращения пустырей в огороды и луга.

Мне не хочется сейчас вспоминать в подробностях обо всех впечатлениях, вынесенных из экскурсии по Харькову с его тремя знаменательными реками — Лопань, Харьков и Нетечь. Их трудно забыть, эти реки: харьковчане метко рисуют их одной фразой — «Хоть лопни, Харьков не течёт». Тогда уже были построены вроде небоскрёбов два здания у новой круглой площади, к которой проведена прорезная улица, с огромными затратами разрабатывались проекты, которым, подобно московскому сказочному сталинскому Дворцу Советов, никогда не суждено было осуществиться...

Такой же продолжительной, как весенняя, была в том же 1931 г. и другая, проведённая мною в обычное каникулярное время экскурсия с оканчивающими студентами Института коммунального хозяйства. Эта экскурсия по маршруту Москва–Харьков–Ростов-на-Дону–Сталинград–Саратов–Горький началась 8 июля с осмотров в Москве, причём при составлении плана осмотров я старался охватить все стороны благоустройства и жилищно-коммунального строительства уже в Москве, где можно было показать наиболее поучительные и образцовые сооружения и устройства, как по планировке и застройке новых жилых массивов (Сокольники, район Брестского вокзала), так и по уличному благоустройству (асфальтобетон-

ные мостовые на Мещанской улице, клинкерная на Софийке), городское озеленение (Парк культуры и отдыха), по водоснабжению (Рублёвский водопровод и Истринское водохранилище), по канализации и очистке сточных вод, сливную станцию, мусорообезвреживание, городскую крупную механизированную станцию и пр. Последующие осмотры в Харькове и Ростове должны были дать не столько дополнительный, сколько сравнительный материал для критической оценки. Сталинград был включён главным образом для ознакомления с крупнейшей уже осуществлённой новостройкой социалистической промышленности — Сталинградским тракторным заводом. Затем следовала поездка на пароходе по Волге от Сталинграда до Ярославля и Рыбинска (с остановками в Саратове, Куйбышеве, Горьком, Костроме), как экскурсии для отдыха после напряжённой работы в учебном году и при учебной поездке по предыдущим городам.

Я всегда стремился, чтобы ответственность за выполнение плана экскурсии, за максимальное учебное использование и усвоение опыта строительства делили со мной, как руководителем, также все её участники. Для ведения всей финансово-хозяйственной стороны экскурсии выбирался хозяйственный комитет для забот о помещении и продовольствии, об обеспечении группы железнодорожными и пароходными билетами, о транспортных средствах передвижения в городах и т.д. Этот хозорган ведал также всеми вопросами, связанными с покрытием расходов, изысканием средств, раскладками и текущими расходами.

В Москве экскурсанты на этот раз, ввиду каникулярного времени, имели возможность остановиться в общежитии для студентов в Лефортовском городке. Этот студенческий городок, только что законченный строительством, состоял из пятиэтажных зданий казарменного типа, размещённых длинными параллельными линиями на участке, лишённом всякого озеленения. Каждый этаж прорезался сквозным коридором по всей длине огромного здания и лишь в одном конце этого коридора имелись уборная и умывальник. С тщательного осмотра и критической оценки планировки и «благоустройства» этого городка и началась наша учебная экскурсия.

Один из следующих дней мы провели на Рублёвской водопроводной станции. Благодаря содействию работавшего там доктора Муската мы не только осмотрели все сооружения основной станции, но также и новые дополнительные фильтры для очистки воды Истринского водохранилища, а также хорошо устроенный посёлок домов для водопроводных рабочих. Поздние вечерние часы я проводил у незабвенного Петра Ивановича Куркина. Он проявлял живейший интерес к моим рассказам обо всех наших осмотрах. В утренние часы до начала наших осмотров, я успевал бывать в Институте им. Ф. Ф. Эрисмана, где профессор И. Р. Хецров[1] знакомил меня с работами, ведущимися в разных отделах и лабораториях Института.

[1] Хецров Илья Романович (1887–1938) — выдающийся учёный, внесший большой вклад в проблему охраны окружающей среды. В начале 1930-х был профессором кафедры коммунальной гигиены 1-го Московского медицинского института и заведовал Отделом водоохраны и канализации Института им. Эрисмана. В 1938 был арестован как «участник террористической организации микробиологов» и расстрелян.

В Харькове мы также остановились в студенческом общежитии где-то у большого парка на окраине города. Пользуясь чудесной летней погодой, в ранние утренние часы я всё предварительное ознакомление студентов с благоустройством Харькова провёл в виде лекций на открытом воздухе.

Пока мы были в Харькове, я поздно вечером уезжал в пос. Высокий к брату Сергею, а среди дня старался найти время, чтобы побывать в Украинском институте гигиены, в котором вели в разных отделах работу санитарные врачи прежней Харьковской и Екатеринославской губернских врачебно-санитарных организаций и выдвинулись также молодые санитарно-гигиенические силы.

В Ростове мы оставались недолго и уже 18 июля прибыли в Сталинград. Уже тогда твёрдо определена была перспектива роста и развития Сталинграда, как одного из крупнейших узлов социалистической промышленности. На десятки километров по берегам Волги запланировано было строительство промышленных гигантов и связанных с ними жилищных массивов. Вступивший уже в строй Сталинградский тракторный завод был одним из первых звеньев в намеченном плане. Сам город Сталинград в своей центральной части тогда ещё не переменил окончательно своего прежнего облика купеческого поволжского города. Наряду с видным зданием прежнего городского театра и строящимися многоэтажными каменными зданиями, тут же начиналось необозримое множество небольших деревянных домов по склонам оврагов, без всяких садов. В центральных частях уже велись древесные посадки по улицам, некоторые площади уже были засажены деревьями, но ввиду недостаточных поливок и ухода все эти посадки имели чахлый вид, с увядшими, засыхающими листьями. Собор на центральной площади служил гаражом для грузовых машин. В городе лишь дома с крупными учреждениями (больницы, учебные заведения, всего не более 300–350 домов) были присоединены к водопроводу и канализации. Самая смелая фантазия не могла тогда нарисовать осуществлённой уже теперь величавой Волжской набережной, на многие километры оборудованной и одетой в гранит и украшенной посадками.

Был жаркий июльский день, когда утром мы прибыли к воротам Тракторного завода и ожидали пропуска для его осмотра. Очевидно, в то время изо дня в день шёл всё нарастающий поток экскурсий для осмотра начавшего работать гиганта социалистической индустрии. Естественно, занятым организацией и налаживанием нового сложного дела производственникам все эти экскурсии мешали работать. В конце концов, было принято решение временно приостановить допуск экскурсий. Участники нашей экскурсии с этим не хотели смириться. Пришлось часа два-три ждать, пока оформится допуск. Чтобы с пользой употребить время, мы отправились на берег Волги, выше Тракторного завода, чтобы посмотреть место забора воды новым водопроводом. Жара вызвала естественное желание освежиться купанием в Волге; кое-где у берега стояли баржи. Купаясь, мы пользовались полосой реки, в которую попадали нечистоты из вышестоящей баржи. После купания пришлось, чтобы обсохнуть, на несколько минут подставить спины под солнечные лучи. Этого было достаточно, чтобы получились солнечные ожоги, дававшие о себе знать в течение нескольких последующих дней.

Подробный осмотр Тракторного завода принёс нам большое удовлетворение. Цеха были оборудованы хорошо работавшей вентиляцией. Сборочный цех — это огромный завод с главным конвейером, на котором на глазах у зрителя зарождается и растёт, отделывается и снабжается всеми частями и, наконец, сходит с конвейера, на собственных колёсах выкатывается во двор новоиспечённый «Сталинец». Особенно приятно было благоустройство нового заводского двора: все пешеходные дорожки были по сторонам обсажены цветами, зеленью, подсолнечником. Всё было предусмотрено для поддержания чистоты.

Двадцать лет спустя, в 1951 г., я снова был в Сталинграде для участия в сессии Академии медицинских наук СССР, посвящённой вопросам содействия великим стройкам коммунизма. Это было всего лишь восемь лет спустя после разрушения Сталинграда при его героической защите от гитлеровских захватчиков. По праву он стал средоточием паломничества из всех стран мира также и для того, чтобы увидеть величайшие сооружения Волго-Донского пути, на глазах у всех возникающую Сталинградскую гидростанцию, на полную мощь работающие уже промышленные гиганты — завод «Баррикады», Сталинградский тракторный завод, а также сооружённые и сооружаемые величавые набережные, изумительные площади, сады и парки, архитектурные ансамбли и здания. И мне не хочется восстанавливать в памяти, каким был Сталинград тогда, в 1931 г. Все мои впечатления того времени потускнели и стёрлись, уступили место и перекрыты новыми впечатлениями. О них речь будет в своё время.

Путешествие по Волге в июле 1931 г. оставило у меня яркие впечатления могучих природных красот и видов Жигулёвских, Горьковских, Костромских, Ярославских высот и ещё более захватывающих видов русских бескрайних родных заволжских и заокских просторов лугов, сёл и лесов; величавой панорамы, открывающейся с высоты Нижегородского кремля, с террас городов Плёс, Кострома, Ярославль. Однако вся работа по разгрузке и погрузке, вся техника водного транспорта вызывали невыносимую горечь воспоминаний о прежнем купеческом волжском быте: вместо кранов и механизмов мы видели, как и встарь, лишь одну машину — грузчика. Крючники надрывались под тяжестью огромных ящиков и тюков, а потом валялись пьяными в грязи, как во времена купеческого благополучия драм Островского, бывших не столько комедиями, сколько подлинной трагедией прежних волжских городов.

Как особую полосу моей жизни в советский период я вспоминаю годы, когда был привлечён к организации и налаживанию работы Отдела гигиены, профилактической медицины и здравоохранения в только что тогда создававшемся Институте экспериментальной медицины (ИЭМ).

Социально-гигиеническое направление в медицине и сама социальная гигиена к началу 30-х годов пользовалась вниманием ведущих партийных кругов. Очень чуткий к складывающейся конъюнктуре Лев Николаевич Фёдоров[1], бывший в то время директором Института экспериментальной

[1] Фёдоров Лев Николаевич (1891–1951) — крупный физиолог, академик АМН СССР, в 1931–1932 — директор Института экспериментальной медицины (с 1934 — директор ВИЭМ).

медицины, задумал учредить в нём специальный Сектор гигиены в составе трёх отделений: социальной, коммунальной и общей и экспериментальной гигиены. Несколько раз Л. Н. Фёдоров заходил в Отдел социальной и коммунальной гигиены Музея города и предлагал мне взять на себя заведование отделением социальной гигиены и в то же время стать во главе всего Сектора гигиены. При этом Л. Н. Фёдоров не предоставил мне право наметить кандидатов на должности заведующих отделениями общей и коммунальной гигиены, а сам уже пригласил на должность заведующих подотделами экспериментальной и общей гигиены Н. В. Колосову-Красовскую, а отделом коммунальной гигиены — А. И. Штрейса[1] и Н. З. Дмитриева. Разумеется, я должен был считаться с этими назначениями, как с фактом. Довольно много такта и настойчивости понадобилось для того, чтобы наладить организацию регулярных совещаний по выработке общего плана работ для всех отделений Сектора гигиены.

Большой ошибкой Л. Н. Фёдорова, было учреждение в составе Института самостоятельного Отдела санитарной статистики, которым заведовал Е. Э. Бен[2]. Сектор гигиены в целом и особенно отделение социальной гигиены, конечно, не могли выполнить своих научно-исследовательских задач без опоры на санитарно-статистические данные о влиянии внешней среды на заболеваемость и смертность населения, без разработки соответствующих статистических материалов о санитарном состоянии населения. «Современная гигиена без санитарной статистики не может жить» (Флюгге). Я поставил перед собой задачу путём переговоров с Е. Э. Беном добиться его регулярного участия в совещаниях гигиенического сектора. Однако тот опасался, что тем самым будет умалена его полная самостоятельность, интересы которой были для него ближе и понятнее, чем соображения о полноте задач единого Сектора гигиены в составе ИЭМ. Он посещал эти совещания не очень регулярно и с сугубым подчёркиванием полной независимости и обособленности Отдела санитарной статистики от Сектора гигиены. Своим ближайшим помощником по отделению социальной гигиены я пригласил Б. Ф. Дидрихсона[3].

В течение летних месяцев 1931 г. мы закончили общие организационные работы по устройству Сектора гигиены. Все три отделения размещены были в комнатах 2-го этажа нового здания по Лопухинской улице на берегу Большой Невки. Обычно я из Лесного пешком по Флюгову переулку приходил к перевозу и, переехав на лодке через реку, попадал в наше здание.

В 1930–1932 гг. научно-исследовательские институты (не исключая и ИЭМ) стремились вводить в свою программу разработку ряда тем на до-

[1] Штрейс Альберт Иванович — зав. научно-исследовательской лабораторией коммунальной гигиены Ленинградского горздравотдела. Занимался проблемой загрязнения воздуха и воды водоёмов.

[2] До ИЭМ Е. Э. Бен заведовал отделом социальной патологии и статистики в Туберкулёзном институте.

[3] Дидрихсон Борис Фёдорович (1896–?) — до ИЭМ был сотрудником кафедры социальной гигиены 2-го Мединститута. В трудах учёного алкоголизм рассматривался в свете влияния его на производительность труда.

говорных началах с советскими практическими и проектными организациями. На Сектор гигиены возложено было изучение процессов самоочищения воды в Невской Губе. Это было необходимо для определения места выпуска сточных вод и степени их очистки при выпуске в Невскую Губу. Кроме этого, ряд договорных тем относился к изучению санитарных условий в периферических районах Ленинграда и в его пригородах. В качестве общей темы, объединяющей всю санитарно-гигиеническую тематику, связанную с потребностями развития и переустройства Ленинграда, я взял на себя составление санитарно-демографического очерка населения города, его численного развития и санитарного состояния. Работа эта являлась естественным продолжением моих работ, вышедших отдельными книгами — «Петроград периода войны и революции» (1923) и «Население и благоустройство Ленинграда» (1928). Теперь я с особой подробностью изучал исключительное по размерам и скорости возрастание численности населения Ленинграда, вызванное переходом страны к колхозному строю (1929–1931). Во всей истории человечества ни в Европе, ни в Америке такого огромного и быстрого роста населения ни в каком городе не было. И именно этот опережающий все возможности нового строительства приток сельского населения, не привыкшего к городскому укладу жизни, являлся причиной трудностей в борьбе за поднятие санитарного состояния города. Работу мою я озаглавил «Динамика населения, социальное здоровье и задачи коммунально-жилищного строительства в Ленинграде на пороге второй пятилетки». В законченном виде она была напечатана в виде первой статьи в майской книжке «Архива биологической науки» (изд. ВИЭМ). Но после выхода сигнального экземпляра этой книжки, статья была изъята из неё по предложению цензора. Привожу несколько предварительных замечаний, предпосланных этой работе в Трудах ВИЭМа:

«Предмет, на который нацелены все научно-исследовательские работы по медицине, — человеческий организм, его физиология и патология, его болезни и их лечение. Но человеческий организм, как и всякий иной объект исследования и изучения, нельзя познавать изолированно от окружающей среды, а лишь в естественной и необходимой связи с нею. ...К познанию человека и всех проявлений его жизнедеятельности, к раскрытию тех закономерностей, которые существуют в соотношениях между организмом, его развитием и всеми идущими из внешней среды воздействиями, современная медицина может идти, только применяя объективный метод научного наблюдения, стремясь всюду и во всём, где возможно, идти по пути эксперимента. На этом основном пути развёртывается научная работа Института, всё равно, идёт ли вопрос о физико-химических и биологических процессах в пробирке, колбе или термостате, ведутся ли исследования на опытных животных, или изучение направлено на самые сложные проявления высшей нервной деятельности человека, на познание движущих сил и всего механизма человеческого *поведения* — этого “тончайшего соотношения организма с окружающей средой, понимаемой в самом широком смысле этого слова” (академик И. П. Павлов)<...>.

...Человеческий организм не стоит непосредственно и изолированно, так сказать, один на один, лицом к лицу с природой. Все материальные

условия для своей жизни человек получает через посредство общественных производственных процессов. В них он всегда является лишь соподчинённой молекулярной частицей сложной общественно-социальной среды. А все производственные процессы, вся экономика являются продуктами жизни не отдельного человеческого организма, а человеческих коллективов; не индивидуальными, а социальными процессами; не экономикой человеческого организма и не продуктом ума, воли и силы человека, а социальной экономикой, продуктом социальной жизни. Здесь стык и взаимное проникновение исследований экспериментальных, физиологических и биологических, направленных на изучение человеческого организма, и исследований социально-экономических, направленных на изучение социальной среды».

Одною из важных задач Сектора гигиены ВИЭМ я считал содействие более глубокому внедрению в разработку вопросов медицины социально-профилактического подхода. Очень охотно принял я поэтому приглашение Л. Н. Фёдорова участвовать в неофициальных совещаниях его с некоторыми наиболее авторитетными работниками ВИЭМ об общем направлении работ Института. Совещания эти не были регулярными. Постоянным участником в них, сколько помню, был А. Д. Сперанский[1], работавший в то время над подготовкой к печати его книги о «нервной трофике». Както, возвратясь из Москвы, Л. Н. Фёдоров сообщил о необходимости поставить для научной разработки в ВИЭМ вопросы по изучению процессов старения в целях изыскания и освещения возможных путей к замедлению этих процессов, к их задержке и предотвращению. О желательности целенаправленного изучения этих вопросов в таком научно-исследовательском учреждении, как ВИЭМ, высказана была мысль в беседе за чашкой чая у А. М. Горького в присутствии Сталина[2].

---

[1] Сперанский Алексей Дмитриевич (1888–1961) — патолог, академик (1939). В 1928–1934 зав. отделами патофизиологии ИЭМ в Ленинграде и общей патологии в ВИЭМ в Москве.

[2] Как показывают недавно открытые документы, предложение создать Всесоюзный институт экспериментальной медицины первым выдвинул А. М. Горький. Сделал он это летом 1931 под влиянием книги Б. Рассела «Научное предвидение». Перевод некоторых глав этой книги он обещал выслать Сталину и наркому здравоохранения М. В. Владимирскому (см.: Новый мир. 1987. № 9. С. 185–189). Известно, что Горького всегда волновала идея победы над смертью, и он постоянно разрабатывал её в своём творчестве. Предложение А. М. Горького было одобрено, и в утверждённом в 1931 положении перед ленинградским ИЭМ была поставлена задача «научно-практического руководства социалистической реконструкцией здравоохранения, изучение вопросов охраны труда работников промышленности и социалистического сельского хозяйства, оборонной тематики» (см.: Вопросы истории. 2003. № 12. С. 144). Но фактической целью экспериментальной работы этого исследовательского центра было изучение процессов жизнедеятельности организма, изнашиваемости органов и тканей и других вопросов, связанных с той же конечной целью — победить смерть человека, достичь его реального личного бессмертия. Несомненно, это лично интересовало не только Горького, но и Сталина, которые были озабочены сохранением, прежде всего, элиты общества. Иначе к этому относился З. Г. Френкель.

Л. Н. Фёдоров высказал предположение о созыве Учёного совета Института и постановке на нём вопроса об изучении старения и борьбы со старостью. Я указал на значение правильного понимания социально-демографического содержания и значения вопроса о старости и о социально-профилактическом направлении всей системы борьбы со старением в связи со всем построением советского здравоохранения и советской медицины. Совещание признало необходимым, чтобы на Учёном совете ВИЭМ общие вводные доклады к постановке изучения в ВИЭМе проблемы старости и борьбы со старением поручено было сделать мне и проф. М. П. Тушнову[1].

Готовя свой доклад, я сосредоточил основное внимание на том, что при решении проблемы удлинения продолжительности жизни в социалистическом обществе должно учитываться неуклонное удлинение срока всё усложняющейся подготовки и требующей длительного времени выработки специальных навыков у людей. Не продление жизни одряхлевших и уже ослабленных стариков, а лишь удлинение средней продолжительности активной жизни с 35–40 лет до 50–60, а затем и выше — до 70–75, может привести к удлинению среднего периода трудового использования навыков и специальной подготовки с 20–25, до 40–50 лет. Только на этом пути должна решаться проблема подготовки кадров в социалистическом обществе, а для удлинения средней продолжительности жизни, прежде всего, нужно уменьшить смертность и заболеваемость в ранних возрастах, нужно устранить причины массового вымирания людей от социальных болезней, от инфекции. Не о специфических сыворотках или «жизненных эликсирах» для продления жизни стариков, а о трезвом, построенном на профилактических основах народного здравоохранения, применении мер охраны жизни и здоровья широких масс населения от самого раннего периода их жизни, укрепления этого здоровья созданием благоприятных условий быта (жилья, питания, труда, физической культуры) нужно сделать достоянием широких масс трудового населения доживание не до 50 лет, а до 70–85 лет с сохранением творческих трудовых сил. Такая задача даже не соприкасается с вопросом о каком-то фантастическом продлении жизни за пределы совершенно очевидной для всех существующей теперь возможной для людей длительности жизни до 100 и даже более лет.

Познакомив проф. Тушнова с моими положениями, я был особенно обрадован тем, что у него не вызывает никаких возражений мой подход к проблеме удлинения жизни и борьбы с преждевременным старением. В этом именно направлении и был сделан мною доклад на Учёном совете ВИЭМ. Затем доклад этот в расширенном виде был сделан мною в общем собрании Ленинградского санитарно-гигиенического общества и напечатан в «Советской врачебной газете» (1934. № 16). В течение 1934 г. положенные мною в основу доклада соображения были всесторонне обоснованы и изложены в книге, представленной в дирекцию ВИЭМ для издания. Однако к этому времени отношение Л. Н. Фёдорова к социально-гигиеническому

[1] Тушнов Михаил Павлович — профессор Казанского ветеринарного института, с 1931 — сотрудник ленинградского ИЭМ.

направлению изменилось, и сам собою вопрос о возможности издания книги ВИЭМом отпал. Я передал рукопись книги в издательство Академии наук. Руководивший в то время издательством академик Надсон[1], ознакомившись с рукописью, предоставил мне возможность расширить санитарно-демографические статистические материалы в книге. Однако «редактирование» работы затянулось и только в 1939, а затем в 1945 г. книга увидела свет в издании ленинградского ГИДУВа, а в 1949 г. вышла в урезанном виде в издании АМН СССР.

Одной из форм участия отделения социальной гигиены в подготовке санитарных и научно-гигиенических кадров служили лекции по основам профилактического построения всей системы здравоохранения, а также чтение курса социальной гигиены и санитарной статистики для аспирантов, подготавливаемых к научно-исследовательской деятельности в разных отраслях медицины. Кроме того, по моему почину в ВИЭМ был внедрён ещё один метод поднятия квалификации санитарных кадров — путём проведения совещаний и занятий с приезжающими в Ленинград экскурсиями санитарных врачей из Украины, Белоруссии и других республик и областей Советского Союза, а также заключительных конференций по очередным вопросам санитарного дела с циклом санитарных врачей, заканчивавшихся в ГИДУВе. В свою очередь, такие заключительные конференции с санитарными врачами с периферии обогащали Сектор гигиены ВИЭМ сведениями о ведущихся на местах санитарно-гигиенических исследованиях, нередко требовавших более широкого гигиенического статистического изучения и обобщения. То есть открывался и поддерживался путь к связи науки и практики.

Обычно каждая конференция начиналась сообщением участников нашего Сектора о санитарно-гигиенических учреждениях Ленинграда и их участии в работах санитарных врачей. Доклады эти делали А. И. Штрейс, Н. З. Дмитриев и я. А затем периферические врачи сообщали о положении санитарного дела в их районах, областях или городах и о более значительных санитарно-гигиенических исследованиях, ведущихся у них на Украине, в Харькове, Киеве, Одессе, в Белоруссии и пр. Попутно затрагивались вопросы о недостатках постановки циклов по подготовке или усовершенствованию врачей.

В 1933 г. развернулась работа по составлению Сектором гигиены заданий на строительство специального здания для размещения всех лабораторий и вспомогательных учреждений (библиотеки, музея и пр.) для всех трёх отделений Сектора с учётом дальнейших перспектив их развития. Сведённые в один общий проект строительства, эти задания отражали, по существу, план перспективного развития всех основных отраслей гигиены: экспериментальной и общей, гигиены коммунальной, гигиены труда и профессиональной гигиены, гигиены питания и пищевых продуктов, гигиены школьной и детских возрастов вообще, гигиены социальной и санитарной статистики. Подготовленный Сектором гигиены перспективный план был

[1] Надсон Георгий Адамович (1867–1940) — микробиолог, академик АН СССР (1929).

предметом специального обсуждения на заседаниях ленинградского отделения Гигиенического общества с привлечением представителей всех гигиенических кафедр и санитарно-гигиенических институтов, имеющихся в Ленинграде. После длительных осмотров на плане города и натуре был выбран обширный участок примерно на полпути к Мечниковской больнице, с хорошим рельефом и благоприятными топографическими условиями. Составлявшие проект архитекторы во главе с Рудневым видели свою главную задачу в составлении архитектурного ансамбля, производящего сильное впечатление. Предполагалось главное здание нового ВИЭМа соорудить не менее, чем в 12–14 этажей, так как при этом якобы достигается наиболее удобная и близкая связь между собою размещаемых поэтажно отделов и вспомогательных учреждений. Мне представлялось совершенно ненужным и нарушающим связь с окружающими садами такое нагромождение отдела на отдел. При этом крайне затруднялась подача воды на верхние этажи и устройство теплофикационных, канализационных и всех других трубопроводов. Крайне затруднялось для отделов размещение в саду своих вспомогательных и опытных устройств (вивариев и пр.). Борьба с архитекторами была упорная и не сулила окончательного успеха, так как создание выдающегося архитектурного ансамбля с доминирующим высотным зданием импонировало дирекции и покоряло сердца учёных — биологов, далёких от санитарно-гигиенических и планировочно-хозяйственных соображений.

В 1934 г., когда с ещё большим напряжением продолжалась работа по обсуждению грандиозного строительства целого архитектурного городка для ВИЭМа и шла уже заготовка необходимых строительных материалов, вдруг совсем неожиданно стало известно принятое в Москве решение о перемещении ВИЭМа со всеми предстоящими на его строительство ассигнованиями — в Москву. На запрос дирекции о согласии переехать вместе с ВИЭМом в Москву я не мог дать утвердительного ответа, так как был связан с работой в Ленинграде в качестве профессора во 2-м Ленинградском медицинском институте и в ГИДУВе, а также в Институте коммунального хозяйства.

С учреждением в Ленинграде научно-исследовательского Института коммунального хозяйства (ИКХ), как особого технического подготовительного консультативного органа Ленинградского городского совета по разработке вопросов коммунального строительства и коммунального хозяйства, я был приглашён в него консультантом по вопросам гигиены и санитарного благоустройства. Именно в качестве консультанта этого института мне пришлось долго и настойчиво отстаивать необходимость разработки всех технических и инженерных вопросов коммунального хозяйства города не в отрыве, а в комплексе со всем уровнем местного благоустройства и с ближайшими перспективами его рационального развития. Одним из первых вопросов, которым занят был институт, стал вопрос о строительстве в Ленинграде канализации. Ввиду особой сложности строительства канализации в наиболее нуждающихся в ней центральных частях города (между Невой и Обводным каналом) инженеры института предлагали Ленсовету начать строительство не там, а, прежде всего, на территории будущего

расширения города — на всей Выборгской стороне, где можно без помех городскому движению развернуть прокладку главных и уличных коллекторов. Я возражал, считая, что в первую очередь следует заняться центральной частью города, и обосновывал эту точку зрения во всех инстанциях, куда переносили этот вопрос, — на заседаниях объединённых инженерно-технических работников и в Горздраве, в собраниях санитарных врачей и в общесоюзной экспертной комиссии. Хотя при голосованиях я оставался в одиночестве, я вновь и вновь доказывал, что огромные затраты на сооружение канализационных коллекторов на Выборгской стороне является для всех очевидным омертвлением капитала. Мне доставило большое удовлетворение, что удалось добиться появления в печати моей статьи об очерёдности строительства.

Прошло немало лет, но и в конце 50-х — начале 60-х годов очередь до строительства канализации на Выборгской стороне так и не дошла. Осуществляется первая очередь работ по сооружению главного коллектора канализации центрального района между Невой и Обводным каналом, сооружён перехватывающий канал по набережной Фонтанки.

Вспоминается и другой случай, когда среди большого числа авторитетных архитекторов, планировщиков, инженеров и других специалистов, отстаивая простое, совершенно несомненное положение, мне пришлось остаться в единственном числе и отстаивать правильное решение в течение ряда лет. Я имею в виду обсуждение в Ленгорисполкоме проекта развития Ленинграда в направлении Удельной–Озерков–Полюстрово. После подробного доклада по проекту, разработанному планировочным отделом, выступил А. А. Жданов[1] с заявлением, что весь проект должен быть коренным образом переделан. Он отвергал всякое строительство в направлении на Озерки и Удельную и считал, что развитие Ленинграда должно идти на юг, до Пулкова и вверх по правому берегу Невы. После этого все сторонники и участники, и сами авторы плана, доложенного главным архитектором города Л. А. Ильиным, стали вносить предложения в развитие и в поддержку указаний А. А. Жданова. Попросив слова, я сказал, что по долгу совести профессионального работника, в течение ряда лет специально занимающегося вопросами благоустройства Ленинграда, я должен указать на отрицательные стороны развития города в южном направлении по Московскому шоссе и перемещения его центра в направлении к Средней Рогатке и мясокомбинату. Обширные пространства за Московскими воротами до Средней Рогатки малопригодны для жилой застройки вследствие отсутствия естественного дренажа и обратных уклонов по направлению к городу, значительной заболоченности и крайней загрязнённости территории, в течение многих десятков лет служившей местом свалки городских отбросов и нечистот. Неблагоприятный очень слабо выраженный рельеф создаёт значительные трудности для последующего осуществления канализации, передвижение центра города со строительством грандиозного Дворца Советов на далёкой периферии шло бы в разрез с основным

[1] А. А. Жданов (1896–1948) в 1934 являлся секретарём ЦК, одновременно — секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

значением и характером Ленинграда, как выхода к морю с фактически замечательным обширным центром от Смольного до Адмиралтейства и нынешнего Дворца Труда.

Мне была предоставлена возможность обстоятельно изложить свои соображения. Никаких возражений не последовало, но, в соответствии с указанием А. А. Жданова, было сформулировано решение строить Дворец Советов в районе Московского шоссе с перенесением туда основного центра города и главного жилищного строительства. После этого в течение второй половины лета и осени 1935 г. в Отделе планировки под руководством Л. А. Ильина шла спешная переработка всего проекта планировки Ленинграда с полным отказом от строительства в наиболее здоровых песчаных и сухих территориях Лесного и с переносом нового центра города в район строительства Дворца Советов.

По поручению Института коммунального хозяйства я принял деятельное участие в комиссии по выработке системы мелиоративных мер для оздоровления территории в районе Московского шоссе, отводимых для жилой застройки. В комиссию кроме меня вошли А. И. Штрейс, Н. З. Дмитриев, Р. А. Бабаянц[1]. Мы объездили весь район, установили места бывших свалок с накоплениями не переработавшихся ещё отбросов и мусора, наметили сеть дренажных сооружений и мер для ускорения процессов минерализации накопленных нечистот и отбросов на местах бывших свалок. С чувством горечи и обиды вспоминаю я и сейчас неудачу, постигшую меня, когда я попытался объективно и добросовестно осветить вопрос о планировочном центре Ленинграда и перспективах развития жилищного строительства в городе и отправил написанную мною статью в редакцию «Социалистического города». Статья была очень быстро набрана и в свёрстанном виде прислана из Москвы с сообщением, что она идёт в очередном номере журнала. Затем мне был прислан и сигнальный экземпляр журнала с этой статьёй. Однако, к моему большому разочарованию, статья так и не увидела света, а построенный потом Дворец Советов на далёкой периферии города, куда перед тем была вынесена городская бойня и построен колоссальный мясокомбинат, теперь служит архитектурным памятником ненужному расточению средств при подхалимстве архитекторов и попустительстве своевольства временщиков и сатрапов. У римлян было мудрое правило — «festina lente» (поспешай медленно); русская же пословица гласит: «Семь раз отмерь, один раз отрежь!»

При крупных, требующих многомиллионных затрат, строительствах особенно преступно забывать об этой тысячелетней мудрости в тех случаях, когда дело не идёт о сооружениях, неотложно нужных для производственных целей или для выполнения важного народно-хозяйственного плана. А здесь ведь дело шло о Дворце Советов, который должен был заменить Таврический или Мариинский дворец или даже Смольный, которые только что были замечательно восстановлены и своими обширными поме-

[1] Бабаянц Рубен Амбарцумович (1889–1961) — гигиенист и санитарный деятель, член-корреспондент АМН СССР. Возглавлял отдел гигиены воздуха в лаборатории по изучению загрязнений г. Ленинграда.

щениями ещё на десятки лет вперёд способны были удовлетворять потребности в залах для заседаний и работ советов.

Работа Института коммунального хозяйства стала разрастаться и развиваться в теснейшей связи с деятельностью и строительством во всех отраслях коммунального и городского благоустройства, когда во главе Института был поставлен молодой, энергичный партийный работник И. М. Маврин. Знакомясь с поступавшими на разработку вопросами коммунального строительства и благоустройства, он внимательно выслушивал специалистов, устраивал коллективные обсуждения. На разных стадиях разработки вопроса организовывал проверку, когда работы шли под руководством приглашённых лиц. По его почину был учреждён Учёный совет ИКХ под председательством заместителя директора. По приглашению Маврина в течение нескольких лет (1933–1936) эту должность занимал я.

В то время одной из наиболее интересовавших меня тем, которые разрабатывались в Институте, была выработка типовых проектов жилых квартир, домов и целых кварталов. Разрабатывавшую эту тему бригаду возглавлял Ю. Г. Кругляков[1]. Благодаря серьёзному интересу к проблеме жилого квартала, правильному пониманию внутренней связи квартиры с организацией квартала, планом, расположением и назначением всех зданий в квартале, Ю. Г. Круглякову удалось объединить в руководимом им отделе очень деятельную группу опытных работников, среди которых помню старого архитектора Н. С. Бродовича и ряд молодых работников — Е. Н. Бубнова, Соколова и др. На основе необходимого учёта экономических показателей не только строительства, но и последующего использования и содержания, были «методом экспериментального проектирования», а также тщательным повторным исследованием условий эксплуатации построенных уже жилых массивов и кварталов, определены и разработаны типы жилых кварталов и типовые проекты домов с безусловным исключением так называемых «коммунальных квартир».

Одной из мер, осуществление которой я в качестве заместителя директора ИКХ по научной части придавал существенное значение, было обеспечение получения библиотекой Института всей как нашей советской, так и новейшей зарубежной коммунальной, инженерно-строительной и санитарно-технической литературы. В этом отношении в те годы (1933–1938) удалось добиться получения основных английских, американских, французских и немецких периодических изданий. Каждый мой день в Институте я начинал просмотром вновь полученных журналов и изданий и отметкой в них всего, что могло иметь прямое или косвенное отношение к разрабатывавшимся в ИКХ задачам и вопросам. Это давало иногда возможность осуществить опытную проверку выдвигаемых у нас или в зарубежной практике новых методов. Так, в 1936 г. я обратил внимание работавшего в нашем техническом отделе инженера-энергетика Чернышевского на статьи об очистке воздуха от аэрозолей (табачного и другого дыма) путем коагоулирующего действия ультрачастотных (ультразвуковых) волн.

[1] Кругляков Юрий Гадальевич — профессор, доктор экономических наук, занимался проблемами комплексной реконструкции жилых кварталов.

Инженер Чернышевский готовил предварительное освещение вопроса о получении генератора ультразвуковых волн. Отсутствие средств, а затем отъезд Чернышевского из Ленинграда на родину — в Саратов и перерыв в моей собственной работе в Институте (1938–1939) помешали выполнить эти опытные работы.

В те же годы второго и третьего пятилетнего планов развития народного хозяйства в СССР была учреждена в Москве при СНХ СССР Академия коммунального хозяйства (АКХ). По приглашению дирекции этой Академии я несколько раз принимал участие в заседаниях по выработке программы её работ и для согласования работ Ленинградского ИКХ и Московской Академии. В составе привлечённых к работе в Академию коммунального хозяйства я встретил специалиста по водоснабжению профессора инженера Н. А. Кашкарова; профессора Николая Михайловича Ушакова — специалиста по очистке сточных вод; крупнейшего у нас авторитета по вопросам биологической очистки С. Н. Строганова; в качестве консультанта по вопросам коммунальной гигиены и санитарного благоустройства А. Н. Сысина[1] и др. В первые годы своей деятельности АКХ содействовала организации нескольких широких всесоюзных конференций по проблемам, связанным с осуществлением многочисленных крупных новостроек, предусмотренных пятилетними планами. Первой такой обширной по числу участников и по многочисленности представленных в ней научных, научно-исследовательских, производственных, коммунальных и санитарных учреждений была конференция по охране атмосферного воздуха жилых районов и населённых мест от промышленных загрязнений дымом, копотью, пылью и вредными газами. Съезд этот происходил 23–26 мая в Харькове. Доклады к съезду, с подведением итогов разрозненных загрязнений воздуха предприятиями, подготовлены были в основном кафедрами гигиены в Харькове, под руководством В. А. Яковенко[2], и других районах Украины под общим руководством Украинского института коммунальной гигиены (А. Н. Марзеев); в Москве — Институтом коммунальной гигиены Наркомздрава СССР (А. Н. Сысин), Институтом имени Эрисмана (Берюшев) и по поручению АКХ — Институтом газоочистки, в Ленинграде — Отделением гигиены ИЭМ (Н. В.Колосова-Красовская).

Главным организатором съезда в Харькове был проф. В. А. Яковенко. Заслугой съезда было то, что к поставленной на нём проблеме было привлечено внимание правительственных органов и широкой общественности. По поручению Ленинградского ИКХ я участвовал в Харьковском съезде и входил в его президиум. По окончании форума я с Альбертом Ивановичем Штрейсом и с ещё одним участником съезда проехал в Днепропетровск, чтобы ознакомиться с тяжёлым задымлением атмосферы тамошними заводами и с постановкой работ по изучению воздушных загрязнений в этом городе.

---

[1] Сысин Александр Николаевич (1879–1956) — гигиенист, один из организаторов и первый руководитель санитарно-эпидемиологического дела в СССР, академик АМН СССР.

[2] Яковенко В. А. — профессор Украинского института коммунальной гигиены, преподаватель Киевского университета.

Другой целью нашей поездки в Днепропетровск было желание оттуда проехать в Запорожье на Днепровскую гидростанцию, работавшую тогда уже на полную мощность. Мы хотели осмотреть и жилищное строительство в Запорожье. Весь этот план был нами выполнен. Мы провели целый день в рабочем посёлке завода имени Петровского. Воздух был в этом посёлке настолько задымлён, что с непривычки уже через несколько часов пребывания начинала болеть голова.

Поездка пароходом по Днепру была прекрасным отдыхом после напряжённой работы на съезде и целого дня осмотров в Днепропетровске и окрестностях. Вызывало удивление почти полное отсутствие пассажиров на большом пароходе, совершавшем регулярные рейсы по Днепру. Начавшаяся в конце мая прекрасная погода, замечательные украинские виды, открывавшиеся то на одном, то на другом берегу, возможность по пути посмотреть вошедшую в строй первую великую стройку социализма — Днепрогэс и обузданный ею Днепр в самом бурном месте его течения, — всё это, казалось, должно было вызвать приток туристов на днепровские пароходы. Мешало этому, по-видимому, отсутствие почина у пароходного управления и хозяйственников речного транспорта по организации продовольствия для пароходных пассажиров.

В Запорожье я прежде всего ознакомился с уже заселёнными рабочими и их семьями домами на левом берегу Днепра. Все они построены были ещё в период строительства Днепровской ГЭС за счёт средств, отпущенных государством на сооружение этой первой великой гидростанции. Вопросы экономичности строительства и последующей дешевизны эксплуатации недостаточно интересовали проектировщиков, которых воодушевляла мысль создать жилой посёлок «социалистического типа»: с широкими, хорошо озеленёнными улицами, двухэтажными домами на 4–6 квартир, с обширными дворами, предназначенными для спортивных упражнений и цветников.. При обсуждении этих проектов на планировочных конференциях и при демонстрации их студентам и санитарным врачам на моих лекциях, я настойчиво указывал на игнорирование в этих проектах первого требования жилищного строительства и благоустройства — учёта экономичности строительства в интересах скорейшего сооружения такого количества благоустроенных жилищ, которого хватило бы не для немногих избранных семейств, а для всех семей трудящихся, для всего населения. А для этого необходимо было увеличивать плотность застройки. Разрывы между отдельными домами уменьшать настолько, чтобы удешевить проведение водопроводных и канализационных магистралей и ездовых полос на улицах.

И вот перед нами был фактически осуществлённый и освоенный трудовым населением «образцовый соцгород». Улицы были обсажены немолодыми липами. Как известно, пересадка взрослых деревьев стоит очень дорого, и в первые годы деревья требуют большого ухода (поливки, подрезки, рыхления и пр.). Пока эти расходы покрывались из государственных ассигнований, всё шло как будто хорошо, но когда потребовалось содержание тротуаров и уход за посадками оплачивать за счёт местных средств жилотделов, дело пошло хуже: кое-какие деревья стали засыхать, цветники оказались заброшенными, тротуары имели выбоины, были грязны, ули-

цы пыльны. Обширные дворы совсем неблагоустроенны, пыльны, так как содержание штата дворников непосильно для двух–четырёх рабочих семейств. Одним словом, при первой же моей утренней прогулке я вынес впечатление, что на практике подтвердились вред и ненужность планировочных «излишеств». Легко можно было видеть, насколько правильнее было бы проектировать квартальную стройку с 3–4-этажным строительством, с плотностью заселения 250–350 человек на гектар; с палисадниками, прилегающими непосредственно к домам, с устройством детских учреждений — яслей, детсадов внутри квартала и с разбивкой всей остающейся от общественных устройств внутриквартальной площади под садово-огородные участки.

Неизгладимое впечатление осталось от Днепрогэса. Устанавливалась последняя гидротурбина. В течение дня мы несколько раз переходили по плотине, перегораживающей Днепр, с левой стороны, на которой в доме бывшего управления Днепростроем нам было предоставлено помещение, на правый берег, где строился целый город с гостиницей для интуристов, почтамт, и уже работал, а отчасти достраивался, ряд металлообрабатывающих заводов. Некоторые из этих заводов, потребителей электроэнергии Днепрогэса, нами были осмотрены.

Ещё одна выездная конференция, организованная при содействии Академии коммунального хозяйства летом того же года, прошла на строительстве крупнейшей в то время гидроэлектростанции на Волге. Управление этой стройки предоставило помещение для заседаний — только что отстроенный в посёлке для рабочих народный дом и театр, а также помещения для проживания членов конференции и пароход для сообщений с Ярославлем. У меня осталось впечатление, что инициатором и душою организации этой конференции был П. К. Агеев[1]. Получив через АКХ приглашение принять участие в конференции, я подготовил доклад о значении проведения санитарной мелиорации территории, отводимой для строительства посёлка или города.

Я приехал в Ярославль в день открытия конференции, но не сразу нашёл пристань, от которой отходил пароход к Волгострою, а когда нашёл её, то пароход уже ушёл, и мне пришлось ждать следующего рейса. Часы ожидания я употребил на прогулку по всегда пленявшей меня верхней Волжской набережной и посмотрел перестройку в центре города. Пропустив открытие конференции и первые доклады, в том числе и доклад А. Н. Сысина о санитарных требованиях при строительстве крупных гидростанций и посёлков для их строителей, я вошёл в переполненный зал как раз тогда, когда председатель сообщил, что следующий доклад будет мой.

Я всегда тщательно готовлюсь к своим выступлениям; в последние дни перед докладом, теряя всякое спокойствие, многократно просматриваю составленный мною конспект и необходимые числовые и справочные заметки, но никогда во время доклада не вынимаю из кармана и не имею перед собой никаких шпаргалок. Поэтому, идя на доклад, я мысленно проверяю

[1] В описываемый период П. К. Агеев был начальником коммунального сектора Всесоюзной государственной санитарной инспекции.

себя, ясна ли у меня вся последовательность развития и изложения мыслей и материалов. Таким образом, мне не нужно напряжение памяти, а только напряжение мысли, новое продумывание и аргументирование основных излагаемых положений во время выступления. Это поддерживает внимание слушателей. Я считаю большим недочётом, что в советский период из-за постоянной боязни обвинения в отступлении от директив развилась привычка не мыслить, не отдаваться потоку живых теснящихся аргументов, а читать слово в слово по тетрадке или шпаргалке. Это понижает значение коллективного обсуждения. И на этот раз моё опоздание не поставило меня в трудное положение, и несколько более чем часовой доклад был выслушан с ободряющим меня вниманием. Труды конференции не были изданы. Но этот мой доклад я напечатал несколько позднее в гигиеническом сборнике ГИДУВа.

Утром на следующий день П. К. Агеев показал мне двухэтажные жилые дома для рабочих, построенные по одному типовому проекту. В посёлке действовал водопровод, вода могла быть проведена во все дома, а, следовательно, возможно было устроить и сливные уборные с отводом канализационных вод для утилизации на поля орошения на окружающих посёлок песчаных пустырях. Вместо этого водою пользовались из водоразборов, а уборные во всех домах были устроены по типу так называемых люфтклозетов. И, разумеется, в летнее время в квартирах ощущался дурной запах из уборных. В санитарной технике на строительстве таких высших достижений современной культуры, как гидроэлектростанции, это совершенно нетерпимо. В посёлке были построены прекрасно оборудованные здания бытового и культурного обслуживания (столовая, театр, баня, детские учреждения, библиотека-читальня). По окончании конференции управление строительства показало её участникам уже произведённую часть земляных и гидротехнических работ и подробно объяснило план всего строительства. Весь инженерно-строительный коллектив Волгостроя производил впечатление работников, спаянных единством большой, захватывающей всех общей задачи.

В часы, свободные от заседаний, я вместе с несколькими другими членами конференции побывал в летнем лагере пионеров, детей рабочих и служащих Волгостроя. Удачно выбранное у опушки рощи среди окружающих лугов место для лагеря имело вполне целесообразно устроенные летние помещения — спальни, столовую, большой зал для игр, веранды. Дети держали себя дружелюбно и непринуждённо. Несколько групп детей возвращались с пучками собранных растений и букетами цветов, другие собирались на речку — ловить рыбу. По предложению руководительницы дети собрались на лугу и дружно приветствовали нас, как гостей. А. Н. Сысин ответил приличествующим в таких случаях обращением к детям. Когда я одной из групп старших детей стал называть собранные растения и рассказывать признаки таких семейств, как мотыльковые, губоцветные, крестоцветные и сложноцветные, которые оказались в собранных ими пучках растений, нас окружили и младшие дети, которые закидали меня вопросами, как называется каждый из цветков. Затем начались общие игры и пение. Вместе с детьми мы приняли участие в обеде и познакомились с продукто-

вым снабжением в лагере. По-видимому, удачно подобранный руководящий персонал этого лагеря не стеснял ребят чрезмерным обилием правил, наставлений и требований. Во всяком случае, мы вынесли от довольно продолжительного нашего посещения лагеря хорошее впечатление.

В бодром настроении, вызванном дружной работой конференции и господствовавшим среди всего инженерно-технического персонала трудовым подъёмом, уезжали мы на пароходе Волгостроя в Ярославль. Из Ярославля я проехал по Волге до Рыбинска, чтобы оттуда возвратиться в Ленинград.

В Рыбинске я имел несколько часов до отхода поезда для осмотра этого города, в котором мне никогда прежде не приходилось задерживаться. Из разговоров со встретившимися мне в Рыбинске работниками коммунального хозяйства я узнал, что Рыбинск живёт в лихорадочном ожидании окончательного решения вопроса, где будет строиться Рыбинская гидроэлектростанция. А вопрос этот был связан с дальнейшей судьбой того Волгостроя в районе Ярославля, под впечатлением от обилия успехов строительства которого я находился. Мне казалось немыслимым, чтобы могла развернуться постройка целого городка с театром, жилыми постройками вместо преодолевшего уже столько трудностей и потребовавшего уже таких огромных затрат труда и средств Волгостроя под Ярославлем. Ведь не могло же быть начато такое огромнейшее строительство без выяснения перспектив его дальнейшей судьбы. И я испытал чувство боли и горя, когда год спустя узнал, что Ярославский Волгострой заброшен, опустел и целый посёлок жилых домов и зданий для культурного и бытового обслуживания населения никем не утилизируется. Вновь вспомнил я римскую мудрость — «festina lente!» Спешить нужно, ни в коем случае не замедлять осуществления планов, но... нельзя забывать: «Семь раз отмерь, а потом режь на отмеренном месте!»

В августе 1932 г. я совершил ещё одно путешествие на север. На этот раз с сыном. Я ехал по делу — для осмотра недавно законченной в Кеми крупной больницы Мурманской железной дороги вместе с санитарным врачом этой дороги К. О. Поляковым. У меня явилась мысль воспользоваться этим случаем, чтобы из Кеми проехать с Иликом в Хибиногорск, побывать с ним на туристской станции в горах Заполярья, посмотреть апатитовые разработки, горное озеро, вернуться на пароходе в Свирьстрой, куда звал меня С. И. Перкаль, а затем пароходом по Свири, Ладожскому озеру и Неве вернуться в Ленинград.

В Кемь мы приехали под вечер и прямо с вокзала пришли в новое крупное здание больницы. Здесь, пока К. О. Поляков договаривался с главным врачом об устройстве на следующий день подробного осмотра всего строительства и оборудования больницы с участием инженера и моим, как консультанта по больничной гигиене и санитарному благоустройству, я с большим интересом слушал рассказы молодых врачей, моих слушателей, недавно окончивших 2-й ЛМИ, о том, как идёт их работа в поликлинике и больнице, в какой мере находит в их работе отражение того социально-профилактического направления и диспансерного построения врачебной помощи, о котором так много приходилось говорить мне

на лекциях и занятиях. Меня очень интересовало, были ли с их стороны попытки рационально поставить учёт заболеваний и статистическое изучение заболеваемости и её связей с местными условиями, какова была на практике работа их по оздоровлению «условий труда и быта». Попутно я узнал о некоторых существенных недочётах вновь построенной, хорошо архитектурно-оформленной больницы: полное отсутствие больничного сада и благоустроенных мест для прогулок и пребывания на открытом воздухе, отсутствие при больнице библиотеки, сырость и целые лужи грунтовой воды в подвальных помещениях и пр.

Во время утренней прогулки с Иликом мы обошли всю больничную усадьбу с большим участком, вполне пригодным для устройства хорошего огорода, но заболоченным вследствие отсутствия проточного пруда с выпуском воды в протекающую близ больницы реку Кемь. Затем мы спустились по каменистому береговому склону к реке. Как легко можно было бы украсить посадками деревьев этот имеющий сильный уклон к реке косогор! Какой прекрасный прибольничный сад можно было бы устроить на нём, укрепив некоторые спуски подпорными стенками. Камни для подпорных стенок подвозить не понадобилось бы. Они всюду имеются на месте, под ногами. Недалеко за больничной усадьбой манили к себе своим причудливым видом каменные глыбы и голые каменные холмы, диабазовые, гранитные лбы. Мы с Иликом взобрались на один из самых крупных гранитных массивов — голый, как будто стёсанный гранитный лоб, величиной в многоэтажный исполинский дом. Он был испещрён глубокими царапинами и бороздами, тянувшимися параллельно, в одном и том же направлении с северо-запада на юго-восток. Глядя на них, как бы читаешь одну из страниц относительно недавней геологической истории данной части Карелии. С севера двигались неизмеримой толщины ледниковые массы, которые стёрли и унесли все лежавшие над древнейшими гранитными породами напластования. Движение этих масс, трение камней, вмёрзших в нижние их слои, оставляли царапины и целые борозды на гранитных массивах. С тех пор прошли десятки, сотни тысяч лет, изменился климат, ледники остались только далеко на северо-западе (например, в Гренландии); моря и океаны с тех пор не покрывали Карелии и не образовали над оголёнными гранитными лбами геологических покровов из осадочных пород. И вот мы стоим, попираем своими ногами, видим собственными глазами поцарапанную ледниками поверхность гранитных «лбов». Мы были под обаянием беспредельности времени, неисчислимости ряда веков, которые протекли над этими гранитными голыми глыбами.

Днём я осматривал строительство больницы, водоснабжения и прочих сторон её санитарно-технического оборудования. Сырость подвального этажа нужно было устранять не одним цементированием полов в подвалах, а рациональным устройством вокруг всего здания кольцевого дренажа с отводом грунтовой воды под уклон к реке. Для очистки сточной воды больничной канализации можно было устроить поле орошения.

В послеобеденные часы мы успели съездить с Иликом на автобусе в город Кемь, походить по улицам и получить впечатление от этого небольшого заброшенного старого городка, с полным отсутствием современно-

го городского благоустройства. В Кеми мы простились с К. О. Поляковым. Дальнейший путь я продолжал с сыном по Мурманской железной дороге до станции Апатиты и далее на открытом грузовике, так как ещё не была закончена железнодорожная ветка, до Хибиногорска, который потом, после гибели С. М. Кирова в 1934 г., был переименован в Кировск.

В Хибиногорске мы зашли к А. А. Садову, к которому у меня был ряд поручений из ВИЭМа. Садов заведовал работами бактериологической лаборатории в Хибиногорске по изучению особенностей развития бактериальной флоры инфекционных болезней в Заполярье. Я должен был передать ему некоторые приборы, реактивы и среды. А. А. Садов, замечательно симпатичный, тонко образованный научный работник (занимавший позднее — с 1938 по 1942 гг. кафедру эпидемиологии в ГИДУВе) оказался очень гостеприимным и заботливым хозяином. Невзирая на значительные жилищно-бытовые трудности в то время в городе, выраставшем со сказочной быстротой в заполярной тундре, Садов устроил нам ночлег у себя и руководил своими советами в составлении плана моих осмотров и экскурсий, а также и моей работы, как представителя Сектора гигиены ВИЭМ. В течение дня я осмотрел уже возведённые крупные объекты первой очереди: обогатительную фабрику, здание бани, дома управления и стройконтор, больницу и общежития. Познакомился с проектами планировки и дальнейшего строительства. На состоявшемся совещании в управлении строительства было решено устроить на следующий день в помещении клуба мою лекцию о планировке и благоустройстве социалистического города, воздвигаемого в Заполярье.

Во время вечерней прогулки по окружающим предгорьям мы с Иликом побывали во многих землянках, где ютились и жили раскулаченные выселенцы из Украины. Большинство из них работали на строительстве города, дорог, фабрики и рудников; молодые рабочие и подростки обучались и готовились к работам на обогатительной фабрике. В августе было ещё тепло, и жизнь шла вокруг землянок. Тут были и сложенные временные кухонные очаги, столы и скамейки. Только ещё устраивавшиеся выселенцы уже думали о создании грядок для посадки лука, для разведения весною огорода. Настроение было не угнетённое, а скорее бодрое. Снабжение необходимыми припасами в это время только что было налажено.

Целый следующий день у меня был занят ознакомлением в Управлении строительства с проектами и планами, дополнительными осмотрами городского центрального парка, первых жилых кварталов, а также обдумыванием предстоящей лекции. Илик был предоставлен самому себе. В 8 часов вечера, отправляясь на лекцию, я посоветовал ему ложиться спать, чтобы с раннего утра на следующий день отправиться со мною на туристскую экскурсионную базу, а оттуда дальше в горы на станцию Академии наук.

Большой зрительный зал клуба, когда я пришёл, был заполнен слушателями. Я начал с указания огромного значения, которое имеет правильное строительство и полное благоустройство Хибиногорска, как одного из первых вновь строящихся у нас по хорошо разработанному плану городов. Затем я рассказал о способах решения основных вопросов планировки и благоустройства в условиях Хибиногорска, об оборудовании улиц, о со-

хранении оставшихся ещё деревьев арктического леса и т. д. Лекция моя транслировалась громкоговорителями по всему городу. Когда, по окончании лекции, я отвечал на многочисленные вопросы, я с изумлением увидел у входа за группою слушателей Илика. Услышав мой голос, доносившийся с улицы из громкоговорителя, он вышел на улицу, узнал, откуда идёт передача, нашёл клуб и вошёл в зал к концу лекции.

Ранним утром на следующий день мы на автобусе проехали несколько километров на туристскую базу. Устроились там с питанием, спустились к ключу и горному ручью со студёной, как лёд, водой; прогулялись по диким горным стремнинам, насмотрелись на приковывавшие к себе виды горного озера у нависшего над ним чёрного, как ночь, горного кряжа, а после обеда проехали на горную станцию Академии наук. Осмотрели там образцы горных пород и коллекции минералов, а потом пешком прошли обратно на туристскую базу. Отдаваясь по пути полному упоению свободными движениями, сбегали с холмов, спрямляли путь, карабкаясь на крутой подъём, когда дорога огибала его; собирали и знакомые, и новые для нас цветы и травы арктической флоры. Не раз оборачивались и подолгу не отрывали глаз от изумительно красиво замыкавшего долину у подножия гор здания с башней горной станции Академии наук и большими белыми пятнами снежных накоплений в горах. Линия снегов в Арктике проходит ведь на относительно небольшой высоте. Всё же мы обрадовались, когда после одного из поворотов дороги увидели вдали перед собой туристскую базу, прилепившуюся у склона к озеру. До этого по временам закрадывалась неуверенность, не сбились ли мы с дороги, слишком самонадеянно пустившись без проводника в обратный путь в незнакомой волшебной стране за Полярным кругом.

Переночевав на базе, мы на следующий день в автобусе проехали до горы, где ведётся добыча апатитов. Взбирались на неё. Были поражены пышной растительностью в долине, ограждённой с севера и востока высокими стенами горного кряжа и открытой прямо на юг, откуда в июне и июле не только днём, но и поздним вечером и задолго до нашего привычного раннего утра, шлёт свои живительные лучи заполярное солнце.

Уезжали мы из Хибиногорска ночью. Нам посчастливилось сесть в первый поезд, отходивший прямым рейсом через станцию Апатиты.

На обратном пути мы сделали большую и чрезвычайно интересную остановку на Свирьстрое, куда давно и настойчиво звал меня С. И. Перкаль, чтобы посоветоваться по вопросам о санитарных мерах для улучшения водоснабжения и об упорядочении обезвреживания нечистот для рабочих-строителей Свирской ГЭС. Происками Мариампольского[1] С. И. Перкаль, занимавший должность преподавателя при кафедре социальной гигиены, которой я заведовал, был сначала командирован на Свирьстрой в качестве временного санитарного врача в связи с развитием там эпидемии дизентерии, но затем оставлен там на более длительный срок.

Пребывание на Свирьстрое было для меня во многих отношениях исключительно интересным. Посёлок расположен на высоких песчаных хол-

[1] Мариампольский А. П. — ректор 2-го Ленинградского медицинского института в 1930–1931.

мах, поросших стройным густым сосновым лесом. Широкие просеки заняты улицами и прилегающими к ним с двух сторон жилыми, по большей части многоквартирными двухэтажными деревянными домами. Замечательные по своей стройности и высоте сосны придают местности своеобразную красоту. Обширные пространства оставлены по проекту планировки для главной городской площади с размещением на ней общественных зданий, театра и примыкающего к площади будущего парка. На улицах перед домами оставлены широкие полосы для палисадников и газонов. Там, где квартиры в домах заняты семьями украинских строителей, приехавших из Днепростроя, палисадники были обсажены ягодниками, кустами и заняты огородными грядками с цветами среди овощных культур. На глубоком песке, благодаря обильному удобрению навозом от имеющихся у этих семей коров, дали большой урожай огурцы, тыква, свёкла, подсолнечник, горох, бобы и другие овощи. В то же время сочная зелень этих палисадников на улицах служила их украшением. На других улицах, где таких палисадников не было, непосредственно к окнам подходили пыльные полосы песчаных дорог.

Полное удивление у меня вызвала поездка на места для вывоза нечистот из посёлка; в нескольких километрах от жилья в песчаных массивах были выкопаны траншеи в два-три метра шириною, куда сливались вывозимые бочками нечистоты из выгребных ям жилых домов. Ничего более бессмысленного и нелепого в санитарном отношении нельзя было себе представить. Гниющие отбросы, естественно, издавали отвратительное зловоние и служили местом выплода мух, которые в качестве бесплатных седоков приезжали в посёлок на обратном ассенизационном транспорте.

Казалось бы, так просто и естественно устроить на свободных от застройки просеках в посёлке компостирование нечистот с присыпкой их торфом или сухим сметом и последующей утилизацией компоста и его запахивания. Но, разумеется, от посёлка на такой крупной новостройке, как Свирьстрой, при наличии центрального водоснабжения, можно и нужно было безоговорочно требовать проведения воды в дома, устройства в них надлежащих уборных с промывными бачками и отведением сточных фекальных вод путём канализации на соответствующие очистные сооружения (в данном случае — на поле орошения). Предпосылкой для того, чтобы подобное требование всегда и всюду, где это нужно, выполнялось, нужно считать наличие некоторых элементарных знаний и навыков у нашего строительно-технического и санитарного персонала. Бросилось в глаза, что по всем дорогам, по которым фекалии отвозились на свалку, в разных местах росли среди дороги помидоры, на иных кустах виднелись уже и плоды. Это результат проливания по дороге из ассенизационных бочек фекалий, в которых всегда находится огромное количество семян.

Во время нашего пребывания на Свирьстрое главный инженер строительства ГЭС Г. О. Графтио[1] был в отъезде. Мне было отведено помещение в одной из комнат его квартиры. Заведовала квартирой и вела всё хозяйство в ней домработница — пожилая шведка, очень культурная и умевшая

[1] Графтио Генрих Осипович (1869–1949) — учёный-энергетик и инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства, академик (1932).

каким-то образом наладить и неукоснительно поддерживать строжайшую дисциплину и скрупулёзный порядок при всех условиях, или, точнее, независимо от окружающих трудных условий. Тогда в начале 30-х годов, это ещё особенно ощущалось в виду того, что мы как-то отвыкли от обстановки заграничных пансионов с их уютом и строго соблюдаемым укладом жизни.

Мы каждый день заходили с Иликом к С. И. Перкалю. Для этого нужно было пройти по главной просеке до другого конца посёлка. Он снимал квартиру во втором этаже деревянного дома. В его комнате господствовал первобытный хаос. Книги и бумаги были навалены и на чайном столе вместе с посудой, и на стульях, и даже на полу. Всей этой обстановке в комнате вполне соответствовал и распорядок жизни, который не регулировался и не дисциплинировался привычными нормативами.

Главным инженером-механиком на строительстве был инженер Филимонов, которого я хорошо знал, когда он несколько лет перед тем был студентом Политехнического института и часто бывал у нас на «Полоске» (в то время я читал лекции по гигиене населённых мест в Политехе). Он с большой предупредительностью в течение многих часов показывал мне уже выполненные части циклопических сооружений, все ведущиеся полным ходом работы и рисовал те части общего плана грандиозной гидроэлектростанции, которые были ещё только на кальках и на синьках, да в головах руководящих инженеров. Мы с восхищением смотрели работу башенных экскаваторов. Было приятно видеть, как просто, по-товарищески отдавал мимоходом распоряжения Филимонов, и каким большим авторитетом пользовался этот молодой инженер у бригадиров и рабочих.

В этот же день я подробно осматривал действующий водопровод, снабжавший питьевой водой посёлок Свирьстроя с многотысячным населением, и проект переноса водозабора в будущий «верхний бьеф», выше плотины, когда она будет сооружена. Контроль за хлорированием вёлся дежурившими специально для этого санитарками «на глаз», но на деле пришлось убедиться, что осевшая на стенках стеклянной трубки хлористая известь маскировала и скрывала от глаз отсутствие струи дезинфицирующего раствора. После сооружения плотины вода в верхнем бьефе должна была стоять на десяток метров выше, и найти и устроить место для будущего захвата воды до постройки плотины можно было с большим удобством. Мне казалось, что для успешной работы санитарного врача дальнейшее развитие благоустройства посёлка Свирьстроя было очень благодарным делом, а содействие превращению этого временного посёлка в хорошо распланированный и санитарно-технически оснащённый новый город — увлекательной задачей. Я горячо доказывал это в моих разговорах с Самуилом Исааковичем, но он оставался глух ко всем моим доводам. Ему хотелось поскорее освободиться от навязанной ему командировки и вернуться к работе на кафедре.

Путь от Свирьстроя в Ленинград мы с Иликом совершили на пароходе. После недолгих остановок в Лодейном Поле и Свирице («Вознесенье»), судно в течение всей ночи и утра пересекло Ладожское озеро. Я не сомкнул глаз, впитывая новые впечатления. Илик же проснулся лишь утром, когда пароход уже подошёл к устью Невы. Кругом — и впереди, и с боков

клубился непроницаемый белый туман Только когда солнце поднялось и разогрелся воздух, он стал кое-где разрываться. Мы увидели скопившиеся у входа в Неву барки, окрылённые парусами на высоких мачтах. Когда пароход вошёл в Неву и с двух сторон начали развёртываться всё новые виды: то Текстильный комбинат у Шлиссельбурга, то Дубровские электростанции, то, наконец, начиная от Ижоры, непрерывная цепь заводов и предприятий, тут уже было не до сна. И когда с пароходной пристани у Охтинского моста мы трамваем, а потом по железной дороге приехали в Детское Село, и Илик вернулся, наконец, домой, ему было вдоволь материалов для подробных рассказов о своём десятидневном путешествии со мной в Заполярье.

Весною и летом 1933 г. я был более всего поглощён подготовкой и организацией выставки на базе Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города в Аничковом дворце, в связи с истекавшим 15-летием Октябрьской революции. Нужно было в единой яркой наглядной картине показать не только уже осуществлённые начатки нового благоустройства Ленинграда после революции (центральное водоснабжение, канализация, рациональное замощение проездов, освещение улиц), но и запечатлеть вполне обрисовавшиеся к этому времени новые задачи, глубоко менявшие всю перспективу развития Ленинграда. В моём понимании также настоятельно, как общепризнанные требования благоустройства, теперь уже стояло и самоё переустройство основных кварталов города, в которых фактически живёт, и на многие пятилетки вперёд ещё будет жить главная масса населения города.

В качестве руководства для ознакомления с выставкой и пособия для работы экскурсоводов я составил очерк «Достижения и проблемы коммунально-жилищного хозяйства Ленинграда». Он был издан в виде хорошо иллюстрированной отдельной брошюры научно-исследовательским Институтом коммунального хозяйства, в ведение которого перешёл незадолго перед тем Музей города. В этом очерке отдельная глава была мною отведена проблеме неотложного поэтапного переустройства кварталов. Строительно-экономическое исследование этой проблемы было проведено Ю. Г. Кругляковым в НИИКХе. Целый ряд докладов о результатах изучения и обоснования возможности осуществления реконструкции кварталов и о значении этой задачи был сделан и в НИИКХе, и в ВИЭМе лично мною, а также Ю. Г. Кругляковым и Б. Ф. Дидрихсоном. С большим интересом и вниманием относился ко всей работе, развёрнутой вокруг организации выставки, директор НИИКХа И. М. Маврин. В качестве награды за большую работу мою в НИИКХе, в особенности в связи с организацией выставки, он добился премирования меня участием в экскурсии ударников предприятий и учреждений Ленинграда по осмотру только что открытого летом 1933 г. Беломорско-Балтийского канала и по поездке в Хибиногорск для осмотра апатитовых разработок и строительства нового социалистического города.

Это была исключительная по богатству содержания поездка. Хотя был только ещё август, но в Ленинграде стояла отвратительная погода. Чуть успевало небо очиститься от тучи, из которой только что лил неприятный холодный дождь, как порывистый ветер гнал новое облако, закрывавшее солнце, и снова начинался густой дождь. Изрядно промокший под лив-

нем спешил я на пароход, стоявший невдалеке от Охтинского моста. Незадолго перед тем первый рейс по только что законченному Беломорско-Балтийскому каналу на этом пароходе совершил сам И. В. Сталин с С. М. Кировым. Это придавало неуловимый оттенок романтической заманчивости и приподнятого интереса к предстоявшей экскурсии и в то же время вселяло уверенность в полной налаженности и надёжности передвижения на нашем, на вид довольно невзрачном, хотя и свежеокрашенном пароходе. Правда, вместо десятка или двух десятков рабочих-ударников, премированных за усердную успешную работу инженеров, строителей и служащих, их набралось полторы–две сотни. Все помещения были переполнены, не для всех нашлась верхняя или нижняя полка для сна. Однако всем хватило чая и закуски.

Пройдя Неву, мы уже ночью вошли в Ладожское озеро. Пароход изрядно трепало, пока он пересёк озеро поперёк, чтобы войти в реку Свирь. Вскоре с огромным интересом мы смотрели величавую стройку на Свири, гораздо более крупную, чем Волховстрой, — ГЭС Свирь II. Спокойно преодолевал пароход достаточно мощное течение реки Свири, несущей в Ладожское озеро избыток вод вышележащего Онежского озера. Нам показывали места уже намеченного будущего строительства последующих гидроэлектростанций на Свири. Чем ближе продвигались мы к Онежскому озеру, тем сильнее было течение реки, и наш пароход со всё большим трудом бился, чтобы преодолеть его напор. В районе Подпорожья, подходя к порожистой части Свири, пароход наш, видимо, перестал преодолевать течение. Падение воды было заметно на глаз. По временам нас начинало сносить вниз. Пароход подошёл вплотную к луговому берегу, закрепился. Были сброшены на берег мостки, и мы смогли выйти на луг и в лесные заросли, как раз в том месте, где позднее, в третьей пятилетке, начато было строительство самой мощной из трёх Свирских электростанций. Пока наш пароход ожидал вызванного на подмогу мощного буксира, я успел пробраться в густую чащу зарослей берегового леса. Наряду с зарослями ольхи здесь было очень много рябины. Густая, тучная луговина изобиловала, как и по берегам Волхова, жёлтой чиной, белыми метёлками высокой спиреи, крупными стеблями валерианы. Вообще, по первому впечатлению, луговой растительный ландшафт имел привычный для меня вид Новоладожских зарослей на торфяных лугах в районе плитняковых ломок от Званки до Старой Ладоги.

Прибывший мощный буксир с лёгкостью протащил нас вверх через порожистую часть Свири, и мы вышли, наконец, в Онежское озеро. Несколько часов довольно разнообразная публика экскурсантов с удовольствием оставалась на палубе под греющими ещё лучами августовского солнца. К вечеру мы подходили к Петрозаводской пристани. Завидев пароход с экскурсией ударников, местные профсоюзы вышли навстречу с оркестром. В Петрозаводске наша экскурсия осмотрела работавший в три смены заново оборудованный крупный мебельно-деревообрабатывающий комбинат, побывала в центре города.

В самом лучшем настроении мы вернулись на наш пароход. В 7 часов вечера он взял курс на Повенец, где мы должны были войти в устье Беломорско-Балтийского канала. Но, по-видимому, наш капитан взял

неверный курс: вдали на востоке показались поросшие сосновым лесом островки. Ночью совершенно неожиданно наш пароход сел на подводные камни. Чем больше усилий делалось, чтобы пройти каменную подводную гряду, тем прочнее врезался пароход на камни, тем громче раздавались удары камней о его днище. Наконец мы прочно застряли. Сначала это вызвало тревогу, почти панику. Проходили часы, пароход кренило ветром, его тянули лебёдками за канаты к заброшенным далеко вперёд со спущенных шлюпок якорям. Положение не улучшалось. Ночью ветер усилился. Волны били в борт судна. По временам казалось, что камни, на которых сидел пароход, с такой силой таранят днище, что неизбежно вызовут пробоины. В трюмах работали матросы.

Вся ночь прошла в тревоге и беспорядочной сутолоке. Нас успокаивали, что дана радиограмма о помощи. Проходили ещё часы за часами, дело близилось уже за полдень — о помощи не было никакого слуха. На шлюпках перевезли часть пассажиров (оказавшихся на судне женщин и детей) на ближайший поросший соснами остров. Посадка и выход из шлюпок при изрядном шторме и захлёстывавших волнах вызывали много смеха и немало страха. Прошло уже более полусуток с момента, как мы нарвались на камни и бьёмся в бессильных попытках вырваться из беды — и никакой помощи многолюдной экскурсии ценных работников, инженеров. И это не в безбрежном океане, а на небольшом Онежском озере, в нескольких часах плавания от Петрозаводска или на расстоянии двух-трёх лётных часов от Ленинграда! Свежий ветер гнал с запада всё более высокие валы волн. Одному из строительных рабочих из состава экскурсантов пришла удачная мысль подвести длинные кругляки брёвен под дно парохода и прокатить судно по этим брёвнам. Были отряжены на шлюпках добровольцы на остров. Одна за другой валились стройные сосны и на верёвках подтягивались под носовую часть, когда она вздымалась от набегавшей волны. Заработали лебёдки, и при общем ликовании наш пароход скатился с камней!

Пока пароход стоял несколько часов в Повенце, затерявшемся среди глубоко вклинившихся в северный край озера каменных грив и гряд, я успел найти на одной из окраинных улиц избу, в которой проживала одна с двумя малыми сыновьями Фаня, дочь Александра Карповича, брата моей жены — Любови Карповны. Она приехала в Повенец к своему мужу, занимавшему в Повенце должность директора школы. Это была удивительно трогательная, не терявшая никогда бодрости, трудолюбивая семья. Когда мужа не стало, Фаня, имевшая звание учительницы, как окончившая Новозыбковскую женскую гимназию, заменила в школе мужа и одна вела всю школьную работу. В то же время у неё на руках были её сыновья и всё семейное хозяйство. Как всегда неунывающая, деятельная, скорая. Я успел с её мальчиками выйти через огород и прилегающий луг в окружающий «лес». Это были густые поросли ольхи, а между ними целые холмы галечника и торфяные болота.

К вечеру наш пароход отвалил от пристани и вошёл в первый шлюз Беломорско-Балтийского канала. Пароход принял на борт нескольких инженеров — участников строительства канала, и в их числе одного и главных его строителей. Это был человек крупного роста, с открытым, умным ли-

цом и неторопливой речью. В течение нескольких часов он знакомил собравшихся в общей столовой каюте экскурсантов с проектом канала и со всеми трудностями, возникавшими при его строительстве. Только предоставление строителям возможности отступать, когда это было неизбежно, от утверждённого проекта и преодолевать напряжением творческой инициативы некоторые непредвиденные или неправильно учтённые условия позволило всё же одержать в последнем счёте победу над суровой природой и осуществить водный путь между Балтийским и Белым морями. Об этом думал ещё Пётр I, не один раз принимавшийся за это дело.

Шаг за шагом излагал нам рассказчик ход практических мероприятий по подготовке и организации работ. Сама собой становилась понятна неизбежность в этом беспредельно смелом строительстве на ходу заменять предусмотренные проектом металлические конструкции каменными или деревянными, и, вообще, больше рассчитывать на местные материалы, а не на такие, которые пришлось бы ждать месяцы или даже годы. Только решимость и воодушевление, которые вызывались отношением к строителям и к самому делу С. М. Кирова, не дало затянуться и зачахнуть этой стройке.

Нам были показаны в чертежах, зарисовках, фотоснимках и схемах все главнейшие сооружения — плотины и каменные или железобетонные грандиозные шлюзы со всеми их механизмами, образовавшиеся водохранилища и расширившиеся до размеров целого моря прежние скромные озёра. Затем, в течение последующих двух дней, мы подъезжали и непосредственно сами обходили и осматривали каждое сооружение. Не ускользали от нашего внимания и обнесённые колючей проволокой лагеря и бараки для рабочих, выполнявших все эти циклопические постройки[1].

Смотрели мы также тогда ещё необитаемые домики для будущих рабочих и служащих по эксплуатации канала. Одна мелочь настолько поразила меня тогда, что и сейчас я не могу не сказать о ней. Это неосмысленное упорство наших инженеров и архитекторов, проектирующих и строящих жилые дома без водопровода и канализации! Вместо них ставились колонки на улицах и устраивались выгребные ямы при уборных для собирания и приёма нечистот. У шлюзов, у сливных плотин по берегам канала всюду очень живописно на возвышенных площадках или у верхнего бьефа были разбросаны каменные дома на одну–две семьи. Вокруг каждого дома и ниже его по отметке оставалось сколько угодно свободного пространства; кое-где не столько в натуре, сколько, конечно, на плане — предусмотрена разбивка цветника или посадок, а у дома, обязательно примыкая к его фундаменту, — яма с бетонными или каменными стенками и люком, или крышкой для очистки и выгреба черпаком накопливающихся и загнивающих нечистот. Почему не предусматривалась подача воды из колодца, из буровой скважины или ключа для напорного водоснабжения, для устройства ванны или душа, для крана над раковиной в кухне, для подачи в промывной бачок

[1] Описывая это путешествие в 1953, Захарий Григоревич не решился подробнее остановиться на том, что основной рабочей силой на этой «социалистической» стройке были заключённые, большую часть которых составляли не уголовники, а невинно репрессированные представители «классово чуждых» слоёв населения.

над сиденьем в уборной, как к этому теперь уже привыкли? Зачем у каждого жилья задерживаются, скапливаются, гниют, а затем при вычерпывании издают зловоние и отвозятся куда-то нечистоты, а не отводятся непосредственно и без всякого отстоя, без ямы, по трубе на 25–30 м от дома на небольшую площадку в 60–100 кв. м — в борозды между грядками? Этого ни один из архитекторов толком не объяснит. Он действует по старинке. Всюду сколько угодно торфа, но даже попытки вместо выгребной ямы устанавливать выдвижной ящик с засыпкой торфом нигде не было видно. Господствовала рутина!

С огромным интересом провели мы несколько часов во время ночной остановки нашего парохода у пристани подле посёлка в сельском клубе, наслаждаясь выступлением кружка самодеятельного вокально-музыкального и театрального искусства.

Целый день пароход, как по морю, проходил затем по озёрам и по образовавшимся вследствие подпора плотинами водохранилищам. Местами из воды выступали верхушки сосен, которые своевременно не были вырублены. Потом несколько часов мы шли по каналу и поздно вечером вышли, наконец, из него. Пройдя по бушующим морским волнам, пароход пришвартовался у причала будущей морской пристани в будущем городе Беломорске, который должен был стать северным окончанием Беломорско-Балтийского канала. Там теперь большой и оживлённый город. Но тогда всё это было ещё в проекте. И сойдя с парохода, мы по прибрежному пустырю, на котором бушевал пронизывающий сыростью холодный резкий ветер, добрались до одиноко стоявшего поезда, чтобы продолжать путь до Кандалакши и Хибиногорска, который был намечен конечным пунктом экскурсии ударников.

Вот мы и в Заполярье. Поезд уже подъезжает к Хибиногорску. Глубоко внизу, как молочно-белая лента, вьётся река Белая, выходящая в Хибиногорске из горного озера Вумчорр. Слева, как чёрная мрачная стена, высятся над городом голые каменистые обрывы горного кряжа Кукисвумчорр. У озера видны трубы и здания завода по переработке апатитов и нефелиновых пород. Справа — утопающие в светлой зелени возвышенности, обращённые склонами на юг. Мы проехали далеко за город и остановились на базе для туристов. Здание с обширной столовой и спальнями с многочисленными кроватями. За зданием — крутые обрывы и спуски к горному ручью и ключам. Вместе с И. М. Мавриным, оказавшимся в пути очень интересным собеседником и общительным спутником, мы тотчас по крутым горным тропинкам добрались до холодных ключей, чтобы освежиться и поразмяться. В этот день мы осмотрели обогатительную фабрику, изготовлявшую из апатитов концентрат фосфорной кислоты, ознакомились с флотационным методом, применявшимся на фабрике. Измельчённая порода, после отделения от неё обогащённого аппатита и нефелина, мощным потоком спускалась в озеро у выхода из него реки Белой. Именно эта масса белой мути — отходов производства — и делала реку белой, хотя она и вытекала из горного озера с кристально-чистой водой. Осматривая грандиозное строительство Хибиногорска, трудно было представить себе, что всё это выросло, выстроено за два-три года, что ещё в 1929 г. здесь была мало-

доступная первобытная полярная тундра, а теперь перед нами высились многоэтажные здания, работали машины, разбивался на месте арктической тундры городской парк.

Общая экскурсия для осмотра горных разработок в этот день была назначена на более поздние послеобеденные часы, а вся первая половина дня была предоставлена для отдыха на базе. Воспользовавшись свободным временем, я захотел побродить один и попробовать пробраться повыше по склону гор. На этом склоне сохранялась арктическая лесная поросль, виднелись характерные арктические ели с широкой юбкой веток внизу у самой земли и высоким, как столб, стволом с прижатыми к нему короткими веточками. Тысяча гектаров этого прилегающего к туристской базе горного склона была выделена уже тогда советским правительством, как заповедник под арктический ботанический сад.

Поднявшись через полосу лесных зарослей, я вскоре стал продвигаться вверх между каменными грядами и глыбами, покрытыми приземистыми ветками стелющейся берёзы, местами с обилием кустов черники с крепкими деревянистыми ветвями, густо усеянными крупными, как чёрная смородина, ягодами. Обилие влаги, стекавшей с камней и из-под камней, способствовало разрастанию повсюду лишайников. Я упорно пробирался всё выше, обходя чрезмерно заболоченные впадины и стремясь выйти на открывавшиеся ещё выше впереди меня свободные прогалы. Совершенно неожиданно на одну из открытых полян выбежала откуда-то небольшая с серо-жёлтой шерстью собака, а вслед за нею ещё две поменьше. Не обращая на меня никакого внимания, они весело гонялись друг за другом. Совершенно не отдавая себе отчёта в том, что я за два-три часа ушёл уже достаточно далеко от базы и нахожусь уже в полосе заповедника, где никакого жилья нет, я как-то автоматически решил, что в том месте, откуда выбежали эти собаки, есть какая-либо изба или будка и направился в том направлении, довольно долго тщетно пытаясь напасть на след какой-нибудь тропинки. Стали встречаться целые поляны осыпей, покрытые как будто насыпанной щебёнкой. Попытка моя пройти по такой поляне вызывала движение щебёнки под ногами, при этом начинали двигаться и лежащие выше её слои. Какой-то тревожный шорох слышен был и сзади. Я благоразумно решил пуститься в обратный путь, испытав какое-то незнакомое мне чувство жуткой неуверенности от этого возникавшего вокруг меня шороха приходивших в движение от моих шагов осыпей камушков.

Когда я вернулся к обеду на базу, меня старались убедить, что без проводника уходить вверх выше полосы леса, туда, где начинаются осыпи, небезопасно, а что за собак жёлтой выцветшей масти я принял, очевидно, выводок лисиц, которые людей в заповеднике не боятся, так как там не допускаются никакие виды охоты, да и вообще поводов забираться туда ни у кого нет.

Огромный интерес вызвала у нас экскурсия на апатитонефелиновые рудники в горе Кукисвумчорр. Сама эта гора, высотой почти равная всем известной горе южного побережья Крыма — Ай-Петри, состоит из аппатитонефелиновой руды с содержанием до 40 % фосфорной кислоты в аппатитах и более 20 % окиси алюминия в нефелинах. Ежедневно в опреде-

лённые часы от Кукисвумчорры несётся канонада от взрывов частей горы, которые затем разбиваются, дробятся на куски, грузятся прямо в железнодорожные составы и доставляются на обогатительную фабрику. Кроме открытых выемок и разработок мы осмотрели и целую систему врезающихся в разных местах в самое сердце горы штреков и закрытых шахт, оснащённых всеми видами новейших механизмов. Общий вес горы Кукисвумчорр определяется в 300 млн тонн, что составляет более 15 % всего мирового запаса аппатитов. Мы осмотрели также, в общих чертах, и посёлок горняков. С трудом можно было представить себе, что все грандиозные сооружения горы Кукисвумчорр с подвесными транспортными дорогами и хорошо оборудованными шахтами, с железнодорожной станцией и посёлком выросли за три–четыре года.

Последний день пребывания нашей экскурсии в Хибиногорске я употребил для ознакомления с планами и фактическим ходом планировки и застройки города, с постройкой городской бани, нескольких уже законченных многоэтажных домов (хотя оставались ещё многочисленные землянки и бараки); с новым строившимся зданием больницы; с положением в городе очистки его от плотных отбросов и нечистот. В ознакомлении со всем жилищно-коммунальным строительством и работами по благоустройству города принял участие вместе со мной также и И. М. Маврин. С восхищением познакомились мы с настойчивой борьбой и упорной работой молодого врача, заведовавшего хибиногорской больницей (по фамилии, если память мне не изменила, Блюменфельд), по устройству компостирования и запахивания для обезвреживания вывозимых из больницы и из других городских жилых зданий нечистот и фекалий. Накопленные за прежние два года на свалках нечистоты, по настоянию этого не санитарного, а больничного врача, пересыпались и хорошо перемешивались с добывавшимся на тех же свалках торфом, и штабеля такого торфо-фекального компоста, после их перепревания в течение нескольких месяцев, шли на удобрение разработанного по настоянию доктора огорода для выращивания свежих овощей. Скороспелая репа дала настолько обильный урожай, что ею не только полностью удовлетворена была больница, но чисто вымытая, круглая, как красивые яблоки, репа была пущена Нарпитом в продажу в уличных ларьках и имела большой спрос среди рабочих заполярного города. Население называло эту репу яблоками доктора Блюменфельда. На тех же удобренных торфо-фекалиями заполярных огородах дала прекрасный урожай в конце августа скороспелая картошка, несмотря на очень краткий период роста (не более 9 недель — июль–август).

Довольно неожиданной для меня была в 1933 г. поездка в Донбасс — в Сталино. Как член Постоянного бюро всесоюзных водопроводно-санитарно-технических съездов, я получил повестку о необходимости прибыть в этот город 24–26 сентября для участия в специальной выездной сессии расширенного состава бюро.

При отъезде из Ленинграда всё говорило о вступившей в свои права осени. Но уже к югу от Москвы, после Тулы, виды из окна вагона напоминали скорее жаркое лето — поля с ещё не отцветшей гречихой, деревья с густой зеленью, без пожелтевших полос. Приехав накануне открытия

сессии, я, прогуливаясь по городу, совершенно не узнавал тех мест, которые я видел и подробно осматривал всего лишь несколько лет тому назад. В 1927 г. я мог ещё видеть во многих кварталах узкие прогоны с выходами из задворков, характерные для прежнего рабочего посёлка Юзовки. Теперь я шёл по улицам большого современного города с пятиэтажными домами, с выдающимися зданиями Горного института.

Сессия Постоянного бюро была открыта в зале заседаний Облисполкома. Главная задача — оказать научно-техническую помощь специалистов исполкому центра Донбасса в осуществлении крупных санитарно-технических мероприятий для ограждения здоровья горняков. В работах сессии непосредственное и активное участие принял Президиум Облисполкома. Для того чтобы положить конец постоянному угрожающему развитию водных инфекций (брюшного тифа, паратифа) в связи с ненадёжным водоснабжением из реки Кальмиус, в кратчайший срок построены были каптажные сооружения для захвата воды из посёлка Кипучая Криница в полусотне километров от города и проведена оттуда маннесманновскими цельнотянутыми стальными трубами в Сталино. Это грандиозное сооружение было незадолго перед тем закончено, и мы выезжали на место для осмотра и заключения о желательных мерах обеспечения зоны водоохраны. При этой поездке к Кипучей Кринице в одной машине с нами ехал председатель Облисполкома. Мы проезжали через степные селения. Всюду мы видели картины ужасающего бедствия — охватившего Украину голода. Во многих домах окна были заколочены. Большая часть полей оставалась незасеянной. Год был тяжёлый, урожая не сняли. Обессилевшие от голода люди умирали или разбрелись. Но, к сожалению, уныния у облисполкомовских работников не было и следа.

В 1930–1935 гг., работая в Ленинградском институте коммунального хозяйства, я входил в состав областного экспертного совета по рассмотрению и выдаче заключений обо всех проектах крупных построек и перестроек в Ленинградской области: зданий общего пользования, коммунальных предприятий, водопроводов, канализационных сооружений, оборудования улиц, и особенно — проектов застройки и планировки новых рабочих посёлков при предприятиях и перепланировки городов. Обсуждение многочисленных проектов в заседаниях экспертного совета поглощало немало времени, но ещё больше времени уходило у меня на тщательное предварительное ознакомление с каждым проектом. При докладах в экспертном совете преобладала архитектурно-художественная точка зрения. На мой взгляд, чтобы создать людям условия для удобной и здоровой жизни, нужно, прежде всего, соответственно оборудовать и оздоровить саму территорию, предусмотреть все условия для беспрепятственного стока верховых вод, для понижения уровня стояния грунтовых вод, для устранения заболоченности и пр. У архитекторов же, не знакомых с учением о благоустройстве городов, эта сторона дела не находила достаточного внимания. На каждом проекте я вступал в борьбу с уклоном к излишествам в проектировании. Работа в экспертном совете брала много времени, но я с большим удовлетворением вспоминаю теперь о ней, десятилетия спустя, так как у меня оставалось сознание, что работа эта не оставалась безрезультатной.

Со времени учреждения при Ленгорздравотделе специального Института социальной гигиены и организации здравоохранения, который вскоре, при наступившем в СССР закате престижа социальной гигиены, сохранил сокращённое название Института организации здравоохранения, меня постоянно приглашали на проходившие в нём заседания и для дачи консультаций по вопросам («темам»), передаваемым в институт для «научной» разработки. Руководили институтом молодые малоопытные в деле организации здравоохранения врачи. Для определения состояния медицинских учреждений требовалось проводить обследование больниц и их оборудования, их расположения в плане города, обеспеченности их больничным двором и садом. Это обследование во второй половине 1934 и в 1935 гг. было проведено мною в сотрудничестве с А. Г. Малиенко-Подвысоцким по подробно разработанной нами программе. Обследование выявило совершенно нетерпимую картину кричащего разрыва между общепризнанными требованиями больничной гигиены и благоустройства и фактическим тяжёлым положением дела. При этом поражало равнодушие руководящего больничного врачебного персонала к обстановке, в которой пребывают в больницах госпитализированные больные. Даже в клиниках ГИДУВа и 1-го Ленинградского медицинского института в палатах на койку вместо 7–8 имелись в среднем только 3–4 кв. м, полностью отсутствовала забота о вентиляции и т. д. Со всем этим больничные врачи вполне свыклись и мирились, и в таком же равнодушии к гигиеническим условиям воспитывались студенты и новые молодые врачи.

В ряде докладов и в моей статье, которую удалось поместить в «Советской врачебной газете» (№ 15, 1935 г.), я стремился обратить внимание органов здравоохранения и врачей на недопустимое неблагополучие с состоянием у нас больничной гигиены и на необходимость добиться коренного улучшения в санитарном благоустройстве и санитарно-техническом оборудовании больниц. Я настойчиво возвращался к этому на заседаниях учёных советов 2-го Мединститута и ГИДУВа. Удалось добиться, что в ГИДУВе каждый семестр устраивались лекции для всех циклов, как санитарных, так и клинических, по больничной гигиене и больничному благоустройству. Эти лекции предоставлено было читать мне.

Много вреда улучшению гигиенического состояния больниц и самой возможности пробудить ответственное чувство у органов здравоохранения за больничное благоустройство причиняло глупое стремление цензуры и самих редакций медицинских изданий не допускать никаких указаний на недостатки и низкий уровень санитарного благоустройства больниц. Редакция харьковского журнала «Врачебное дело» больше года оттягивала печатание посланной мною статьи об обследовании больниц, якобы, как писала редакция, «по независящим от неё причинам». Когда же, наконец, статья была напечатана, из неё оказались вычеркнутыми все фактические данные о недостатках. А в «Гигиеническом сборнике ГИДУВа», вышедшем под моей редакцией, цензор-врач, невзирая на все мои отстаивания, устранил табличку сопоставления результатов обследования ленинградских больниц из статьи А. Г. Малиенко-Подвысоцкого.

Подавляющее большинство больниц в Ленинграде было построено задолго до революции. Естественно, что после революции их нужно было

перестраивать или заменять вновь построенными в соответствии с принятыми новыми нормативами. Показ на основании точного обследования недостатков старых больничных кварталов был необходимым условием для правильного их переустройства. Но цензор Сагалович во всём искал недозволенное преуменьшение заслуг и достижений революции и, на всякий случай, для собственной перестраховки из исследования убирал все указания на такое неудовлетворительное состояние, которое говорило о неотложности его устранения. Такой цензор скатывался до фактического осуществления положения, нарисованного Т. Г. Шевченко, когда «все мовчить бо благоденствие».

После ликвидации Сектора гигиены и Отделения социальной гигиены в ВИЭМе, по моему предложению в Институт организации здравоохранения при Ленгорздравотделе была передана библиотека книг и периодических изданий по социальной гигиене и санитарной статистике, а книги и периодика по коммунальной гигиене и санитарному благоустройству были переданы в начинавшую тогда свою работу Лабораторию по коммунальной гигиене, которая позднее расширилась и обратилась в научно-исследовательский Институт гигиены (1934–1937).

В 1935 г. закончилось первое послереволюционное десятилетие деятельности возобновленного в 1924–1925 гг. в Ленинграде Общества гигиенистов и санитарных врачей. (До 1919 г. в Петербурге деятелей здравоохранения, гигиены и санитарной техники объединяло Общество охранения народного здравия). С большим подъёмом и единодушием подведены были итоги жизни и большой работы Общества за десятилетие на собрании Общества 9 марта 1935 года. Собрание было очень многолюдным и оживлённым. В течение всего первого десятилетия, как и в два последующих десятилетия (до 1953 г.), я был председателем Общества. За десятилетие 1925–1934 гг. из 119 заседаний Общества я принял участие в 116, причём на тридцати из них выступал в качестве докладчика. Когда в 1924 г. довольно многочисленная группа санитарных врачей и представителей гигиенических кафедр обратилась ко мне с предложением о выдвижении моей кандидатуры в председатели Общества, я дал на это согласие, но при непременном условии, чтобы прежний председатель Общества охранения народного здравия, наиболее авторитетный в то время гигиенист Г. В. Хлопин, которого многие не хотели видеть председателем из-за его «генеральства» и, как им казалось, «высокомерия», был избран пожизненным членом и почётным председателем Общества гигиенистов. Это условие было принято: Г. В. Хлопин был избран почётным председателем, а председателем правления избрали меня.

Очень скоро сложилось активное ядро руководящих работников, в состав которого вошли Павел Иннокентьевич Левин[1], А. И. Штрейс, Г. Я. Беленький, Ярошевская, несколько позднее, после возвращения из ссылки в Среднюю Азию — Г. И. Дембо, главный инженер ленинградского водопровода К. П. Ковров и др. В первые же годы удалось очертить круг основных проблем санитарного дела, гигиены и благоустройства: осуществления коренного переустройства и расширения водоснабжения в Ленинграде;

[1] Левин Павел Иннокентьевич (1866–1939) — химик, профессор.

строительства рациональной канализации (Ш. К. Чижов, А. В. Врублевский и др.); санитарной мелиорации территории города (А. С. Никольский и др.); ограждения от наводнений (профессор Советов); планировки городского жилищного и школьного строительства; переустройства и оздоровления старых кварталов; оздоровления больничных кварталов; решения проблемы снабжения населения города молоком, мясом, овощами; строительства хлебопекарных заводов, фабрик-кухонь и пр.

Ко всем этим вопросам, также как и к вопросам организации санитарного дела и здравоохранения, охраны материнства, младенчества и детства, вызвано было и постоянно поддерживалось внимание рядовых санитарных врачей и широких кругов работников гигиенических кафедр и институтов. Наряду с этим Общество пробудило деятельный интерес к теоретическим вопросам гигиенической науки, к успехам научно-исследовательских работ в области раскрытия зависимости здоровья населения от условий социальной среды и быта.

Неослабно занимали внимание Общества проблемы борьбы с туберкулёзом, алкоголизмом и другие вопросы социальной патологии и социальной гигиены. В этот период я считал своей обязанностью каждый год выступать с обзором важнейших успехов за год в области научной гигиены и практического санитарного дела и оздоровления населения, как в нашей стране, так и за рубежом. Мой обзор привлекал многочисленную аудиторию и пользовался большим вниманием. Для его составления я систематически прочитывал из месяца в месяц нашу и зарубежную литературу, в том числе непременно все научные журналы и газеты, а также до десятка различных санитарно-инженерных и научно-гигиенических немецких, английских и американских периодических изданий.

В двадцатую годовщину смерти Ф. Ф. Эрисмана, друга и товарища Е. А. Осипова по строительству нашей общественной медицины и одного из основателей у нас кафедры современной научной гигиены, я выступил с докладом о нём в ленинградском Гигиеническом обществе и очерк мой «Эрисман, как выразитель высшего гигиенического синтеза» удалось напечатать в «Ленинградском врачебном журнале» в 1936 г.

Много труда затратил я, стараясь убедить работников советского здравоохранения и теоретиков советской социальной гигиены добиваться включения в обнародованный в 1936 г. проект Конституции СССР особой статьи: наряду со ст.ст. 118 и 119 о правах гражданина социалистического общества на труд и на отдых — также «права на здоровье». Ни доклад мой по этому вопросу в Ленинградском отделении Гигиенического общества, ни письма, посланные моим влиятельным друзьям, никакого видимого действия не оказали. Но я и теперь остаюсь при твёрдом убеждении в правильности моего предложения.

В 1935–1937 гг. в работах ленинградского Института коммунального хозяйства заметное место занимали обследования ведущегося в широких размерах школьного строительства в целях выработки планировочно-строительных нормативов и обеспечения необходимого благоустройства и оборудования школьных зданий, участков и кварталов. Я принимал очень активное участие в этих обследованиях.

При проектировании школ труднее всего было добиваться соблюдения нормативов о школьных садах, площадках и об озеленении прилегающих участков. При обследовании вновь построенных зданий в разных частях города, особенно в периферических его районах (Полюстрове, Лесном, на Петроградской стороне), но также и в некоторых центральных районах, бросались в глаза полное отсутствие внимания и заботы как у строительных организаций, так и у школьного ведомства и органов коммунального хозяйства, к вопросам благоустройства окружающей территории. В осеннюю слякоть и в весеннюю распутицу, идя в школу, дети вязли в грязи, попадали в лужи и, естественно, это отражалось на загрязнении раздевальни и других школьных помещений. Я настаивал на том, что устройство хотя бы нешироких, в 1–2 м шириной пешеходных полос, хорошо ограждённых от затопления лужами и грязью, должно считаться задачей при всех условиях наиболее неотложной. Отстаиванию первоочерёдности безотлагательного строительства тротуаров на жилых улицах и изложению нехитрой техники и механизации в этом деле я посвятил специальную статью в изданном ЛИКХ сборнике «Строительство Ленинграда» (1938. № 1).

Лето 1936 г. памятно тем, что я, наконец, осуществил давно задуманный мною план навестить вместе с сыном Иликом моих старух-сестёр в Остре. После такого трагического крушения Попенковского гнезда[1], Вере восстановлена была в конце концов её пенсия народной учительницы. Вместе с Соней жили они в Остре, в уступленной им небольшой комнате в домике бывшей сослуживицы Веры по работе в земской школе. Вера упорным трудом обратила в огород с несколькими грядками прилегавшую к окнам жилья часть двора и здесь же держала несколько ульев. Пчёлы были её страстью, и в трудное время мёд выменивался на кусок хлеба. Я не представлял себе, как могла жить Вера, с её неукротимой неуёмной потребностью в общественной работе, в оторванности от школы, в вынужденном уединении. У нас установились полные взаимного уважения постоянные отношения, поддерживаемые регулярной перепиской. Правда, письма — обстоятельные и подробные, согретые тёплой лаской, писала Соня. Вера всегда в письмах была немногословна. Я с неизменной регулярностью посылал едва покрывавшую потребность их скромной жизни сумму — 300–350 рублей в месяц. И так же регулярно Екатерина Ильинична снаряжала и отправляла далёким «старухам» посылки: два–три килограмма муки и сладкое. Вера, никогда в жизни ни от кого не принимавшая помощи, полагаясь только на свой труд и личный трудовой заработок, примирилась с необходимостью и рассматри-

[1] С началом коллективизации проживавшие на хуторе Попенки Вера Григорьевна и Софья Григорьевна подверглись жестоким преследованиям со стороны местных властей. Несмотря на активное участие их братьев и сестры Евгении в революционном движении, их хозяйство (4 десятины под садом и огородом) было объявлено «помещичьим, кулацким»; Веру Григорьевну лишили пенсии, обеих сестёр лишили избирательных прав и, наконец, 18 сентября 1931 они в 24 часа были выселены из родного дома и вынуждены были скитаться по съёмным комнатам в г. Остре. Лишившись средств к существованию, старые женщины сильно бедствовали, особенно во время ужасного голода на Украине в 1932–1934 и смогли выжить только благодаря помощи Захария Григорьевича и посылкам Евгении Григорьевны.

вала присылку денег от меня, как небольшую прибавку к слишком скудной пенсии народной учительницы, прибавку, выплачиваемую из того же народного источника одним из тех, на кого она тратила свою трудовую энергию в лучшие годы своей полной самоотречения и ригоризма жизни.

Путешествие с Иликом всеми видами транспорта — на аэроплане, на пароходе, по железной дороге, через Москву и Киев, из Киева по реке Десне в Остёр, чтобы остаться там одну–две недели — было запланировано мною, как награда сыну за успешное окончание средней школы, которое обеспечило ему поступление без экзаменов в Электротехнический институт. Ярко встаёт в памяти свежее солнечное июльское утро, когда мы подъехали к аэродрому и не обнаружили на поле ни одной транспортной авиамашины. Кроме нас ни одного пассажира не было. После выполнения обычных формальностей нас проводили к маленькому самолёту. Мы вошли в двухместную кабину с небольшими окнами с двух сторон и ещё меньшим оконцем в полу впереди ног. Совсем молоденький военный лётчик помещался непосредственно перед нами. Когда машина понеслась по беговой дорожке и незаметно оторвалась от земли, Илик, не отрываясь, смотрел в оконце, стараясь ориентироваться в открывавшейся картине местности. Мир волшебной сказки наяву. Мы несёмся на ковре-самолёте. Внизу под нами необъятная по своим размерам географическая карта. Синеют озёра среди густой зелени лесных порослей. Извивается лентой рассекающая их река. Прямой линией выделяется железная дорога. То перед нами, то сбоку бежит серое пятно тени от нашего самолёта...

Лётчик оказался очень общительным товарищем, он часто оборачивался к нам, указывая вперёд, говорил что-то, но шум мотора совершенно заглушал его голос. Часа через полтора мне показалось, что мы уже пронеслись над станцией Бологое и большими озёрами. Надвигалась и заволакивала небо туча. Лётчик обернулся и указал рукой вверх. Очень скоро мы погрузились в туман, а затем над нами засияло солнце и голубое небо, а внизу не видно было ничего, кроме белого полога тумана. Лётчик торжествующе показал знаками, что он пронзил тучу и идёт над нею. До спуска на Московском аэродроме прошло с момента нашего вылета ровно 3 часа. В 10 часов мы уже ехали на автобусе по Москве. Пройдясь по центральной части столицы и осмотрев новые здания, мы затем на метро приехали на Казанский вокзал и отправились на дачу к моей сестре Жене.

При всех моих поездках, независимо от их целей, я всегда старался воспользоваться представлявшимися возможностями непосредственно, путём личных осмотров и наблюдений тщательно знакомиться с новым строительством жилых и общественных зданий, сооружений по санитарной технике, благоустройству и на месте собирать сведения о достижениях нового строительства. И в данном случае, ещё составляя план моей поездки, я предусмотрел воспользоваться тремя–четырьмя днями нашего пребывания в Москве для осмотра при содействии Института гигиены им. Эрисмана и Академии коммунального хозяйства всего нового столичного строительства.

Намеченную программу я выполнил во всём объёме. Я осмотрел грандиозные гидротехнические сооружения, построенные в связи с открытием канала Москва-Волга, перепланировку набережных Москвы-реки и по-

стройку новых мостов; осмотрел несколько зданий новых школ, побывал в Парке культуры и отдыха, где подробно ознакомился с детским городком, с общедоступным душевым павильоном. Слишком много понастроено зданий и дорог в передней части Парка им. Горького, так что утрачивается впечатление, прежде всего, именно «парка». Только в далёкой части сохранились парковые аллеи бывшего Нескучного сада.

После подробного осмотра строительства Центрального театра Красной Армии я выезжал на станцию Яуза для ознакомления с работой опытных установок для обезвреживания городских домовых отбросов камерным способом. Бросилось в глаза накопление целых гор перегноя, выгруженного из камер. Самотёком перегноя никто не разбирает; об организации этого дела своевременно не подумали. Целый день был потрачен мною на изучение некоторых отделов замечательной строительной выставки на Фрунзенской набережной.

Свободное от осмотров время я проводил вместе с Иликом на даче у сестры на станции Удельная Московско-Казанской железной дороги, примерно в часе езды от Москвы. От вокзала до дачи приходилось минут двадцать идти по лесной дорожке. Дача располагалась на участке елового леса. Нас с Иликом разместили в небольшом летнем помещении, состоявшем из одной комнаты. В этой постройке летнего типа жил до смерти мой старший брат Яков. Как участник кооператива застройщиков дачных участков, он был пионером разбивки огорода, на котором выращивал замечательные огурцы, помидоры, землянику. На отведённом ему, как пенсионеру, участке он построил временное помещение, отеплил его и жил в нём не только летом, но и зимой. Свободную от леса часть участка он собственноручно разделал под ягодник и огород. Но мне не удалось свидеться со своим старшим братом: незадолго до нашего приезда, переходя железнодорожные пути, он попал под поезд. После его трагической смерти разработку его участка продолжала его дочь — Маруся Лодыгина. Сестра Женя проводила на даче летнее время. Несмотря на то, что кооператив состоял из интеллигентных старых революционеров, никаких следов коллективного благоустройства в дачном посёлке не было. Дороги были не замощены. Питьевую воду забирали из колодца своими вёдрами и вручную носили по дачам.

В кругу семьи моей сестры мы провели около недели. Отдыхали на траве среди елей, раза два участвовали в довольно отдалённых прогулках в лес за грибами и цветами. Затем, вернувшись в Москву, приобрели билеты на самолёт, отлетавший на рассвете.

Путешествие из Москвы до Киева на большом самолёте при чудесной лётной погоде прошло незаметно быстро. От аэродрома в Броварах под Киевом на автобусе мы проехали по новому мосту через Днепр в Киев. На пароходной станции на Днепре, на Подоле, мы запаслись билетами для проезда в Остёр на Десне. Оставив вещи на речном вокзале, мы пошли смотреть город. Поднялись на Владимирскую гору. Стояла нестерпимая июльская жара. Преодолевая изнеможение от жары и усталости, от лишённой сна ночи и чрезмерно насыщенного впечатлениями утра, мы добрались по круто поднимавшимся в гору улицам до дома, где жил Авксентий Васильевич Корчак-Чепурковский. К счастью, Авксентий Васильевич оказался дома. За

полтора–два десятка лет, что я его не видел, он сильно постарел и ослабел. Но он очень оживился при старых воспоминаниях о Пироговских съездах, интересовался всеми, кто ещё оставался в живых. Узнав, что мы направляемся в Остёр, он обещал приехать, чтобы обстоятельно и подробно поговорить о Пироговском наследии и новой советской социальной гигиене.

Из широкой глади Днепра, пароход, держась больше противоположного Киеву берега, незаметно вышел в мутные белые воды Десны. На рассвете пароход остановился у причала пристани в Остре.

Мы провели всего лишь немногим более недели тихого счастливого отдыха у сестёр. Упорной работой Вера, которой было уже около 80 лет, преодолевала все трудности и трогательно создавала уют для Сони и радушный приём для нас. Вера была в курсе всех нужд, всех мелочей и условий жизни окружающих остёрских «простых» людей. Я с интересом знакомился с новой жизнью когда-то захолустного уездного городка.

Вскоре после приезда я с сыном предпринял путешествие по хорошо мне известной со времён детства дороге от Остра до Козельца (около 16 км). По её сторонам мы видели несколько вновь насаженных колхозных садов. Но на том месте, где когда-то был наш, примыкавший к дороге сад, обсаженный густым рядом белых акаций, где стоял дом, сарай, клуня, где была аллея из пирамидальных тополей, пруд — одним словом, где были «Попенки», и где похоронена была так неустанно, от рассвета до поздней ночи работавшая моя мать, где был затем похоронен и мой отец, — там было совершенно голое пустовавшее поле (толока), поросшее мелкой сорной травой. Только оставшийся колодец напоминал о когда-то бывшем здесь жилье. В то время (1936 г.) незадолго зародившийся в этом месте колхоз ещё не окреп настолько, чтобы перейти к рациональному сельскому хозяйству — освоению прежних усадебных земель. С ноющей болью обошёл я вдоль и поперёк ту земельную площадь, с которой было связано у меня столько воспоминаний, и на которой не осталось никаких следов прежней, безвозвратно канувшей в прошлое жизни.

Мы прошли затем пять километров по этому же Остёрскому шляху до Козельца. Там я посмотрел собор постройки елизаветинского периода и подле него почтовую контору, где когда-то во времена русско-турецкой войны 1878 г. я с жадным нетерпением получал «Сын Отечества» и «Голос», чтобы вычитать вести о ходе войны. Прошёлся и по уцелевшей улице до «гребли» (плотины), по которой ходили мы в городскую школу. Зашёл в один из домов, где жила переселившаяся из Борок бойкая когда-то Варя Закревская[1], оказавшаяся теперь старой обездоленной одинокой вдовой.

[1] Представительница семьи графов Закревских, в одном из поместий которых в Борках служил когда-то управляющим отец Захария Григорьевича — Григорий Андреевич Френкель. Как свидетельствуют документы Киевского охранного отделения, в 1904 г. дочь помещицы Закревской Вера и её муж Сорокин имели тесные связи с Киевским комитетом РСДРП, одним из руководителей которого был старший брат Захария Григорьевича — Яков Григорьевич, и участвовали в распространении нелегальной марксистской литературы, а в усадьбе в Борках была явочная квартира (см.: ГАРФ. ДП. Ф. 102. Дел-во О.О., 1904. Оп. 232. Д. 5. Ч. 3. Л. А. Л, 83).

На этом закончилась моя экскурсия в давно умершее, ушедшее в царство теней, прошлое, обратившееся в umbra et humus (в тень и прах) по Горацию; в то прошлое, которому никакая фантазия и никакое поэтическое вдохновение не вернёт живой крови жизни.

Авксентий Васильевич Корчак-Чепурковский, как он и обещал, приехал с одним из своих близких товарищей по Украинской Академии наук. Мы провели вместе целый день в Остре, ходили перед обедом купаться в Десне, катались на лодке, гуляли по задесненским заливным лугам с такими характерными разбросанно высящимися на этих лугах «осокорями» (яворами). В Остре в то время отдыхал на даче тогдашний президент Украинской Академии наук Александр Александрович Богомолец[1]. Корчак-Чепурковский не оставлял мысли перетянуть меня из Ленинграда в Киев, о чём говорил со мною и несколько раз писал также и Д. К. Заболотный. Но я отвечал на это категорическим отказом.

Для того чтобы повидаться со мною, приехал в Остёр к сёстрам брат мой Сергей. Как в далёкие годы детства, мы каждый день ходили купаться в реке Остре, но теперь мы уже были не 7–15-летние мальчики, а всего уже навидавшиеся и испытавшие в жизни, но ещё полные сил и неутомимого желания работать люди, приближавшиеся к 70-летнему возрасту (мне шёл уже 67-й год, а Серёже — 69-й). С трогательной привязанностью и любовью относился Серёжа к сёстрам, особенно было о чём вспоминать нам с Верой, которая в годы нашей учёбы в Козельце заменяла нам нашу мать.

После 1936 г. я больше уже не виделся с Серёжей, и до меня мало доходило вестей о последних годах его жизни. Только в 1955 г., в связи с моим 85-летием, я получил письмо от старшей из внучек Сергея, в котором она писала:

«Уважаемый Захар Григорьевич! Вы, вероятно, не помните девочку, которую Вам приходилось видеть более двадцати пяти лет тому назад, когда Вы приезжали в Харьков и гостили у Вашего брата в Высоком посёлке. С тех пор прошло много перемен. Тогдашняя маленькая девочка уже сама имеет 2-х девочек, закончила медицинский институт и работает коммунальным санитарным врачом, занимается планировкой населённых мест и охраной атмосферного воздуха в Харьковской области. Этой девочкой была я.

Может быть Вам, имеющему позади большой путь врача, учёного, деятеля санитарно-гигиенического дела, будет приятно получить приветствие от молодого врача, только недавно вступившего на этот путь.

Сообщаю Вам о последних годах жизни моего дедушки и бабушки и об их семье. Последний раз Вы видели брата в 1936 году — за 4 года до его смерти. Последние годы он всё время болел. Ему нужно было закончить операцию, связанную с удалением простаты. Первый этап этой операции он сделал, но от последующих этапов категорически отказался. Очень боялся операции. Разрастание простаты и послужило причиной постепенного угасания организма, в конце концов, приведшее к тяжёлой уремии.

[1] Богомолец Александр Александрович (1881–1946) — патолого-физиолог, академик. С 1932 президент АН УССР. С 1942 вице-президент АН СССР.

Последний год жизни его был омрачён ещё тем, что он почти полностью потерял зрение (катаракта), даже увеличительное стекло, кроме очков, с помощью которого он пытался читать, не помогало ему, это подкосило его морально.

У него появилось какое-то безразличие ко всему, так несвойственное его глубокой натуре, необыкновенно большой душе, пытливому уму натуралиста. Мне легко писать Вам так о нём. Только тот, кто не знал его близко, счёл бы, может быть, мои слова за идеализацию и высказывание не беспристрастно, но Вы ведь знали его больше меня, ближе знали его внутренний мир, и у Вас эти слова найдут отклик. Для меня и прежде, и теперь облики дедушки и бабушки являются идеалом лучшего; и впоследствии людей, подобных им, я уже не встречала.

Но буду продолжать. Единственное, что несколько развлекало деда — это радио. Он слушал радиопередачи сначала сидя у письменного стола, а затем лёжа в постели, причём до последнего дня он был уверен, что войны не может быть. Умер он 17 апреля 1940 г. — 72 лет.

Лидия Борковская».

Большим горем для меня в 1938 году была ошеломившая своею неожиданностью смерть Саввы Артёмовича Самофала. Известие о его смерти и предстоящем дне его похорон получено было мною из Воронежа в марте от дирекции воронежского Лесокультурного института.

В качестве профессора этого института и декана факультета Савва Артёмович в течение нескольких лет со свойственной ему настойчивостью и энтузиазмом отдавал свои силы не только научно-исследовательским, но и организационным работам по устройству самого института и подъёму общественной и культурной жизни студенчества и преподавательского персонала. Насколько высоко ценил я Савву Артёмовича, как человека науки и как выдающуюся высокими качествами личность, видно из моей телеграммы, посланной в институт на полученное извещение о смерти Саввы Артёмовича:

«Воронеж, Лесокультурный институт, директору Рычкову

Потрясён и глубоко опечален безвременной кончиной выдающегося учёного, исследователя, биолога, замечательного человека, верного сына народа профессора Саввы Артёмовича Самофала. Искреннее соболезнование Институту по поводу этой невосполнимой утраты. Пусть неумирающий обаятельный образ неутомимого исследователя, всегда воодушевлённого творческой синтетической мыслью, монолитного честного большевика-общественника с несгибаемой волей к упорному труду, поднявшегося из подлинной народной толщи до высших ступеней научного творчества и общественно-политической культуры, остаётся живым ведущим примером для смены.

Профессор, доктор медицинских наук

Захарий Френкель».

Моё знакомство, скоро перешедшее в основанную на глубоком взаимном уважении дружбу, с Саввой Артёмовичем имело более чем десятилетнюю давность. В начале лета 1925 г. произошёл совершенно неожиданный для меня разговор со мной младшей нашей дочери Лёли, бывшей тогда студенткой Лесотехнической академии, о том, что она хотела бы познакомить

меня с одним из ассистентов Лесного института С. А. Самофалом, которого они считают очень оригинальным и серьёзным человеком, вышедшим из народной среды и с которым у неё складываются дружеские отношения[1].

Не скажу, чтобы при первом знакомстве с С. А. Самофалом он произвёл на меня значительное впечатление. Однако позднее, когда после женитьбы на моей дочери Савва Артёмович жил в одном с нами доме, я открыл в нём человека далеко незаурядного. Его мысли постоянно были заняты глубоким и беспристрастным анализом и обобщением всего, что он осваивал в науке, в философии и в развёртывавшейся вокруг него жизни. Помимо чтения лекций он заведовал в Лесотехнической академии станцией по отбору лучших семян. Но собственными опытами и статистико-математической проверкой результатов выращивания сосны и дубов из семян отборных и менее качественных, он убедился в решающем значении более счастливых условий последующего развития растений. Его называют Мичуриным в лесоводстве. Из своих опытов он сделал выводы для культивирования растительных организмов, аналогичные взглядам социальной гигиены в её борьбе с так называемым «социальным дарвинизмом» и «евгеникой». Савва Артёмович привлекал меня своей прямотой и мужественным смелым характером. И я искренне считал его одним из лучших своих друзей.

Предвоенные годы (1938–1941). Арест и заключение

Уже в 1937 г., но особенно в 1938 г., всё чаще, всё непонятнее и неожиданнее становились случаи внезапного ареста и заключения в «Большой Дом» (БД)[2] партийных и непартийных работников советских учреждений, научно-исследовательских институтов и преподавательского персонала. Каждый день называли всё новых и новых лиц. Я не верил всяким слухам, считал, что молва всегда раздувает и преувеличивает тревогу.

---

[1] Савва Артёмович Самофал родился в 1885 в бедняцкой украинской семье. Рано остался сиротой, был подпаском. В 9 лет один ушёл в Харьков. Был певчим в церковном хоре, работал в лесничестве. Затем поступил и с отличием окончил лесную школу, где его приметил профессор В. Д. Огиевский и пригласил к себе в Петербург. Там С. А. экстерном сдал экзамены за курс гимназии и поступил в Лесотехническую академию. Учёба была прервана начавшейся 1-й мировой войной. Окончив школу прапорщиков, С. А. попал на Северо-Западный фронт, дослужился до звания штабс-капитана. За мужество и боевые заслуги был награждён орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. В 1918 вернулся к учёбе, но вскоре был призван в Красную Армию. Воевал на разных фронтах, кончил службу в 1922 в должности начальника Разведуправления Северо-Кавказского фронта. Только в 1923, в возрасте 38 лет, С. А. закончил Лесотехническую академию и сразу активно занялся научно-преподавательской работой. За короткий срок он стал признанным учёным-лесоводом. Став профессором, он с 1931 до своей смерти в 1938 заведовал кафедрой лесных культур в Лесокультурном институте в Воронеже.

[2] Так в Ленинграде в годы репрессий называли здание НКВД на ул. Воинова (Шпалерной).